Голод

Автор:
Алма Катсу

Голод

Алма Катсу

Universum. Дом монстров

1846 год. Девяносто мужчин, женщин и детей под предводительством Джеймса Доннера отправляются в Калифорнию на поиски лучшей жизни.

Они ещё не знают, что это путешествие войдёт в историю – как одно из самых гибельных.

С каждым днём дорога всё тяжелее. Всплывают секреты, которые участники экспедиции надеялись похоронить навсегда. Лютая стужа замораживает волов на ходу. Еды с каждым днём всё меньше. Ссоры вспыхивают всё чаще. Разногласия перерастают в убийства и хаос. И, кажется, кто-то преследует их. Кто-то… или что-то.

Вокруг обоза и в сердцах переселенцев взрастает, крепнет, набирает силы зло. И когда люди начинают исчезать один за другим, становится ясно: что-то страшное живёт в окрестных горах. Страшное – и очень, очень голодное…

Искусное переплетение реальных событий и мистики для поклонников «Террора» Дэна Симмонса.

Книга основана на реальных событиях! История про перевал Дятлова на американский манер, а также универсальный триллер про людей, отрезанных от мира в тяжелых жизненных условиях.

Хвалебные отзывы Стивена Кинга, Роберта Стайна, Джоанн Харрис, Дженнифер Макмахон, Тима Леббона и других именитых авторов.

Книга получила заслуженное признание у читателей на Западе, множество оценок на Goodreads и Amazon. Лауреат премии «505 по Кельвину» (США), номинации на «TheGoodreadsChoiceAwards», премию Брэма Стокера, премию «Это – хоррор», премию Локус.

Алма Катсу

Голод

Alma Katsu

The Hunger

© Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

Моему мужу, Брюсу.

Пролог

Апрель 1847 г.

Такой скверной зимы, одной из худших зим в этих краях, из местных не мог припомнить никто. Зима согнала с гор часть индейских племен, пайютов и мивоков. В горах не стало дичи, и, подгоняемые неотступным голодом, краснокожие оставляли за собой по пути голые плеши стоянок, испещренные ничем не пахнущими, черными, будто пустые глазницы, пятнами угасших костров.

Двое-трое из этих пайютов принесли весть о попавшемся им на глаза обезумевшем белом, ухитрившемся пережить эту богопротивную зиму и, будто призрак, скользившем по льду замерзшего озера.

Сомнений быть не могло: это один из них, малый по имени Льюис Кезеберг, последний из поселенцев, переживших невзгоды, постигшие партию Доннера. На поиски Кезеберга, дабы, по возможности, вывести его из глуши живым, выслали отряд спасателей.

Была середина апреля, однако лошади вязли в снегу по грудь. Пришлось отряду оставить их на ближайшем ранчо и двигаться дальше пешком.

Достигнув холодного, пустынного, продуваемого всеми ветрами горного гребня, спасатели еще три дня шли вниз, к озеру. Обычно весна приносит с собою топкую грязь, уйму грязи, однако здесь, наверху, еще не миновала зима, укрывшая землю плотным белым покровом. Доверия он, этот покров, не заслуживал: снег прятал от человеческих глаз расселины, крутые обрывы, хранил множество тайн. Думаешь, будто ступаешь по твердому, но подожди чуток – и уступ под ногами подастся, рассыплется, рухнет вниз.

Спуск оказался куда труднее, чем ожидалось: скользкий, пропитанный влагой снег то и дело проседал, исполненный некоего потустороннего стремления похоронить в себе весь отряд.

Чем ближе спасатели подходили к озеру, тем темней становилось вокруг. Кроны высоких деревьев заслоняли пики гор, преграждали путь лучам солнца. Судя по отметинам на деревьях – обломленным веткам, ободранной на высоте тридцати, а то и сорока футов коре, снега за зиму навалило – страсть. В окрестностях озера царила жутковатая тишина. Ни звука: ни птичьих трелей, ни плеска садящихся на воду уток – ничего, кроме собственных шагов, тяжелого дыхания да хруста тающего снега под сапогами.

Первое, что они заметили при виде тумана над озером, оказалась вонь: все вокруг провоняло падалью. Стоило отряду подойти к берегу, густой дух тления, разложившейся плоти, смешанный с ароматами сосновой хвои, превратил воздух во что-то тяжелое, вязкое, липкое. Казалось, отовсюду: с небес, от воды, из-под земли – веет резким, железистым запахом крови.

Спасателям рассказывали, что уцелевшие жили в заброшенной лесной избушке и двух шалашах, один из которых соорудили под боком огромного валуна. Избушку, пройдясь вдоль берегов озера, покрытого легкой рябью, затянутого полупрозрачной, ленивой пеленой тумана, отыскали довольно быстро. Избушка стояла чуть на отшибе, посреди небольшой прогалинки. С виду внутри, определенно, не было никого, однако спасатели никак не могли избавиться от ощущения, будто они не одни, будто в избушке их кто-то ждет, совсем как в сказках.

Дурные предчувствия охватили всех до единого. Противоестественный запах вгонял в дрожь, заставлял боязливо ежиться. Не торопясь, подняв ружья, спасатели подошли к избушке поближе.

В снегу у крыльца обнаружилось кое-что неожиданное.

Карманный молитвенник с закладкой-ленточкой, трепещущей на ветру.

Россыпь зубов.

Нечто вроде обглоданного дочиста человеческого позвонка.

Дурные предчувствия прихлынули к самому горлу, подступили к глазам изнутри. Кое-кто из спасателей наотрез отказался сделать еще хоть шаг. Прочие остановились прямо напротив двери. Рядом с дверью, прислоненный к наружной стене, стоял топор.

Вдруг дверь сама собой отворилась.

Июнь 1846 г.

Глава первая

С добрым чистым бритьем для Чарльза Стэнтона не могло сравниться ничто на свете. В то утро он брился напротив большого зеркала, привязанного ремнями к борту фургона Джеймса Рида. Вокруг во все стороны рябящим под дуновением ветерка одеялом простиралась прерия, многие мили нетронутой бизоновой травы – только красноватый пик Чимнирок, высившийся вдали, торчал над нею, будто солдат на часах. Если сощуриться, обоз поселенцев выглядел, словно игрушечные тележки, разбросанные каким-нибудь малышом по огромному, бескрайнему ворсистому половику – по истертому, изветшавшему, тянущемуся в никуда.

Повернувшись к зеркалу, Стэнтон приставил лезвие к шее под подбородком и вспомнил одну из любимых присказок деда: «Злодей да хитрец, подобно Люциферу, прячется за бородой». Многие из знакомых Стэнтона с радостью довольствовались как следует отточенными ножами, а кое-кто соскребал щетину со щек даже топориком, но сам он ничего, кроме настоящей бритвы, не признавал. И прикосновения холодного металла к горлу ничуть не страшился – наоборот, Стэнтону оно вроде как даже нравилось.

– Тщеславия я за тобой, Чарльз Стэнтон, прежде не замечал, – раздалось позади, – но если б знал тебя малость похуже, непременно задумался бы: уж не любуешься ли ты самим собой?

К Стэнтону с жестяной кружкой кофе в руке подошел Эдвин Брайант. Однако улыбка его тут же угасла.

– Э-э, да ты порезался.

Стэнтон бросил взгляд на лезвие бритвы. На стали алел мазок крови. Взглянув в зеркало, он обнаружил на горле алую черточку, трехдюймовый порез, зияющий там, где кончик лезвия коснулся кожи. Бритва была так остра, что он не почувствовал боли.

Сорвав с плеча полотенце, Стэнтон прижал его к ранке.

– Должно быть, рука дрогнула, – пояснил он.

– Сядь, дайка взглянуть, – велел Брайант. – Я, если помнишь, в медицине кое-что смыслю.

Но Стэнтон уклонился от протянутой к нему руки.

– Все в порядке, ничего страшного. Мелочь.

По сути своей, из подобных «мелочей» состояло все это дьявольское путешествие: одна неприятная неожиданность за другой.

– Как угодно, – пожав плечами, сказал Брайант. – Но гляди, волки кровь за две мили могут учуять.

– С чем пожаловал? – спросил Стэнтон.

Он знал: Брайант шел к нему вдоль обоза не ради пустой болтовни – тем более что давно пора запрягать да в путь отправляться.

Вокруг кипела, бурлила обычная утренняя неразбериха. Возницы собирали волов; земля дрожала под тяжкой воловьей поступью, мужчины сворачивали шатры, грузили их по фургонам либо засыпали песком догорающие костры. Воздух звенел от гомона детишек, отправленных по воду для дневного питья и умывания.

Стэнтон с Брайантом знали друг друга не так уж давно, однако быстро успели сдружиться. Недавно, за Индепенденсом, штат Миссури, к партии, с которой шел Стэнтон, небольшому обозу из Иллинойса, состоявшему в основном из семейств Доннера с Ридом, примкнула еще одна, куда большая группа поселенцев под началом отставного военного Уильяма Рассела. Эдвин Брайант одним из первых участников партии Рассела подошел познакомиться и вообще потянулся к Стэнтону – вероятно, потому, что оба оказались холостяками, одиночками среди кучи семей.

А вот внешностью Эдвин Брайант отличался от Стэнтона во всем. Миловидностью рослого, от природы сильного Стэнтона окружающие восторгались всю жизнь, с самого детства. Насколько он мог судить, красота – и густые, волнистые темные волосы, и томный, проникновенный взгляд – досталась ему в наследство от матери.

– Глазищи твои – дар от дьявола, парень, чтобы легче было добрых людей на грех подбивать.

Еще одна из дедовых сентенций… Как-то раз дед хлестнул Стэнтона по лицу пряжкой поясного ремня – возможно, надеясь изгнать дьявола, которого видел в его глазах, однако не тут-то было. Все зубы Стэнтона остались целы, и нос вскоре зажил. И шрам на лбу сгладился, выровнялся. И дьявол, по всему судя, даже не думал бежать.

Годами этак десятью старше Стэнтона, Брайант много лет проработал газетчиком, а потому здорово уступал в выносливости и силе большинству поселенцев: фермеров, плотников, кузнецов – одним словом, людям, всю жизнь занимавшимся нелегким физическим трудом. Вдобавок он был слабоват зрением, отчего почти никогда не снимал очков, да и вообще, неизменно ершистый, взъерошенный, вечно казался слегка не от мира сего. Однако никто не мог отрицать, что малый он башковитый – пожалуй, самый толковый, сообразительный во всей партии. По собственным же словам, зеленым юнцом он несколько лет провел в подмастерьях у доктора, однако впрягаться в ярмо полевого врача на время перехода не пожелал.

– Вот, полюбуйся, – сказал Брайант, поддев сапогом пучок травы под ногами. В воздухе заклубилась пыль. – Заметил? Июнь на дворе, а трава для июня уже суховата.

Обоз их который уж день двигался по плоской равнине. Высокие степные травы и жесткий кустарник тянулись к самому горизонту. По обе стороны от тропы, вдалеке, волнами высились вереницы золотистых, кораллово-розовых песчаных холмов; некоторые – отвесные, островерхие – казались огромными пальцами, указующими прямо в небо. Присев на корточки, Стэнтон сорвал несколько стебельков травы. Короткие, от силы девяти-десяти дюймов в длину, травинки заметно побурели, поблекли.

– Похоже, сильная засуха тут недавно была, – сказал Стэнтон, поднявшись, отряхнув от пыли ладони и взглянув вдаль, к затянутому туманным пурпурным маревом горизонту.

Казалось, прерии нет и не будет конца.

– А ведь мы едва переступили границу равнины, – напомнил Брайант.

К чему он клонит, было яснее ясного: возможно, обозным волам и прочей живности не хватит травы для прокорма. Трава, вода, пища – три вещи, без которых обозу никак.

– Дела обстоят хуже, чем ожидалось, а путь предстоит еще долгий. Видишь тот горный хребет вдали? – продолжал Брайант. – Так это, Чарльз, только начало. За теми горами нас поджидают другие, и пустыни, и прерии, и реки куда глубже, шире любой из тех, через которые мы уже переправились. И все это – между нами и берегом Тихого океана.

Эти жалобные песни Стэнтон слышал не в первый раз. С тех пор как обоз двое суток назад набрел на охотничью заимку в окрестностях Аш-Холлоу, Брайант только об этом и твердил. Заброшенная хижина стала для поселенцев, идущих через равнину, чем-то вроде пограничной заставы: там оставляли письма, чтоб следующий путник, направляющийся на восток, прихватил их и довез до настоящего почтового отделения, а уж там письма обычным порядком отправятся дальше. Многие из этих писем оказались попросту свернутыми вчетверо клочками бумаги, оставленными под камнем в надежде, что весточка в конце концов доберется до адресатов – до тех, кто остался дома.

При виде всех этих писем у Стэнтона отчего-то сделалось спокойнее на душе. Они казались свидетельством свободолюбия поселенцев, стремящихся к новой, лучшей жизни, невзирая на риск. Однако Брайант не на шутку встревожился.

– Взгляни сколько их здесь. Многие дюжины, а может быть, целая сотня. А поселенцы, все это написавшие, там, на тропе, впереди нас. Мы этим летом тронулись в путь среди последних, а ты ведь понимаешь, что это значит? – толковал он Стэнтону. – Возможно, мы опоздали. С приходом зимы снег перекроет горные перевалы, а зимы там, на большой высоте, начинаются рано.

На сей раз Стэнтон ответил:

– Терпение, Эдвин. Мы Индепенденс едва-едва миновали…

– А на дворе уже середина июня. Слишком мы медленно движемся.

Перекинув через плечо полотенце, Стэнтон огляделся вокруг. Солнце уж несколько часов как взошло, однако обоз все еще не снялся с лагеря. Семейства поселенцев заканчивали завтрак у догоравших бивачных костров. Мамаши сплетничали, качая на руках малышей. Какой-то мальчишка резвился, играя с псом вместо того, чтоб пригнать родительских волов с выпаса.

После многих недель пути начинать новый день никто не спешил. Половина мужчин из обоза вообще торопились только в тех случаях, когда наступало время распить кувшинчик браги.

– Можно ли осуждать их в такое чудесное утро? – беспечно откликнулся Стэнтон.

Брайан помрачнел пуще прежнего.

– Да и в любом случае об этом не со мной, с Расселом говорить нужно, – почесав в затылке, напомнил Стэнтон.

Брайан, поморщившись, наклонился и поднял с земли кружку с кофе.

– С Расселом я уже толковал, и он совершенно согласен, да только дела от него не добьешься. Он же никому «нет» не может сказать! В начале недели –

помнишь, наверное – отпустил тех типов на охоту за буйволами, и весь обоз двое суток сидел на месте, мясо коптил и вялил!

– Может, дальше по пути еще порадуемся этому мясу.

– Ручаюсь: буйволов нам еще попадется немало, а этих двух дней уже не вернешь ни за что.

Правоту Брайанта Стэнтон понимал, и спорить с ним совсем не хотел.

– Ладно. Сегодня вечером пойдем, потолкуем с Расселом вместе. Пусть видит: дело серьезное.

Но Брайант покачал головой.

– Надоело мне ждать. Я вот что сказать пришел: ухожу я. Оставляю этот обоз. Мы, несколько человек, решили ехать вперед верхом. Фургоны тащатся слишком медленно. Семейным, понятно, без фургонов никак. У них дети малые, старики, хворые, забот с ними полон рот. О пожитках тоже подумать надо. Нет, я на них зла не держу, но и заложником их не останусь.

Тут Стэнтон вспомнил о собственном фургоне и паре волов. Все это хозяйство съело деньги, вырученные после продажи лавки, почти без остатка.

– Понятно.

Глаза Брайанта заблестели под стеклами очков.

– Тот всадник, что нагнал нас вечером накануне, сказал: уашо все еще держатся южнее своих обычных пастбищных территорий, в двух неделях пути впереди. Останусь с обозом – рискую их упустить.

Воображавший себя чуточку антропологом, пусть и любителем, Брайант якобы писал книгу о религиозных верованиях различных индейских племен. Об индейских преданиях – о говорящих животных, о плутоватых богах, о духах, будто бы обитающих в земле, и в воде, и в ветрах, – он мог говорить часами, да с такой увлеченностью, что некоторые из поселенцев начали поглядывать на

него косо. Сам Стэнтон слушал рассказы Брайанта с интересом, но чувствовал: христианам, выросшим исключительно на библейских сказаниях, не понимающим, как белый может увлечься туземными верованиями, эти истории вполне могут внушать неподдельный ужас.

– Знаю, эти люди тебе друзья, – продолжал Брайант. Уж если он что-либо принимал близко к сердцу, повернуть разговор в другую сторону не стоило даже надеяться. – Но скажи, господа ради, с чего, с чего им взбрело в голову тащить с собой в Калифорнию все имущество?

Стэнтон невольно заулыбался. Разумеется, он понимал, о чем речь – об огромной, сооруженной по особому заказу «шхуне прерий» Джорджа Доннера. Об этом фургоне немало судачили в Спрингфилде еще во время постройки, а после он превратился в излюбленный предмет пересудов для всего обоза. Рама фургона была увеличена на несколько футов против обычного, отчего внутри хватило места и для верстака, и для выгородки под кладовую, и даже для небольшой печурки с трубой, выведенной наружу сквозь парусину навеса.

Брайант кивнул в сторону костерка Доннеров.

– То есть как они собираются свой фургон через горы тащить? Этакую махину! На крутой склон его четырьмя парами волов не поднимешь. И для какой, спрашивается, надобности? Чтоб эта царица Савская ехала со всеми удобствами?

В короткое время, минувшее с тех пор, как к обозу из Спрингфилда примкнула куда более многолюдная партия Рассела, Эдвин Брайант успел проникнуться стойкой неприязнью к Тамсен Доннер, это было вполне очевидно.

– Ты туда, внутрь, заглядывал? Чисто прогулочная ладья самой Клеопатры: шелка, перина пуховая! – продолжал он. – Я думал, Джордж Доннер – малый разумный, но, видимо, ошибался.

Стэнтон усмехнулся. Не то чтобы Доннеры часто спали внутри: их фургон, как и всякий другой, был битком набит всевозможной хозяйственной утварью, включая постели, однако Брайант в праведном возмущении был склонен малость преувеличивать.

– Стоит ли ставить ему в вину желание жену порадовать? – возразил Стэнтон.

Да, он хотел бы считать Джорджа Доннера другом, но не мог. Зная о связях Доннера, не мог. Никак.

А сейчас, что еще хуже, с трудом находил в себе силы отвести взгляд от Доннеровой жены. На добрых двадцать лет моложе супруга, Тамсен Доннер была чарующе красива – возможно, женщин красивее Стэнтон еще не встречал. Казалось, перед ним одна из фарфоровых кукол, миниатюрных изображений последних веяний французской моды, которые можно найти в мастерской любой из модных портних. Лукавые искорки в ее глазах неодолимо влекли к себе; тончайшую талию могли охватить кольцом сомкнутые пальцы пары мужских ладоней, и Стэнтону не раз приходилось гнать прочь мысли о том, как легли бы на эту талию его ладони. Каким образом Джорджу Доннеру удалось завоевать подобную женщину, для него оставалось неразрешимой загадкой. Должно быть, дело без денег Доннера не обошлось.

– Завтра наш отряд отправляется в путь, – понизив голос, сообщил Брайант. – Отчего бы тебе не присоединиться к нам? Ты – парень сам по себе, ни семьи, ни забот. С нами ты… куда бы ни направлялся, доберешься гораздо быстрее.

Очевидно, Брайант вновь закидывал удочку, пытаясь разузнать, какая причина подтолкнула Стэнтона к переезду на запад. Большинство поселенцев рассказывали об этом даже слишком охотно. Брайант знал, что в Спрингфилде у Стэнтона имелась бакалейная торговля и собственный дом – так отчего же он вдруг решил все бросить? Ну, для начала, партнер, соображавший в торговле, неожиданно умер, оставив лавку на Стэнтона. Конечно, Стэнтон в торговых делах тоже кое-что понимал, вот только душа к ним совсем не лежала – пережидать бесконечный поток покупателей, торговаться с теми, кому не по нраву его цены, стараться набить полки товарами, привлекающими спрингфилдских жителей, соседей, которых он едва знал и уж точно не понимал их нужд (экзотические одеколоны? яркие шелковые ленты?). В то время ему было очень одиноко, и это, определенно, послужило одним из резонов, побудивших его оставить Спрингфилд.

Одним из… но не единственным.

Поразмыслив, от ответа Стэнтон решил уклониться.

– А что делать с волами и фургоном? Не могу же я бросить их на тропе.

– И не нужно. Уверен, в партии найдется на них покупатель. Или найми одного из возчиков приглядеть за фургоном, а сам встретишь его в Калифорнии.

– Даже не знаю, – протянул Стэнтон.

В отличие от Брайанта, он против путешествия с семейными, против детского гомона и громкой, на высоких нотках, болтовни женщин в дороге, вовсе не возражал. Однако дело было не только в этом.

– Дай подумать, – сказал он.

В эту минуту к обоим галопом, подняв в воздух немало пыли, подскакал верховой. Джордж Доннер. Одной из его обязанностей было распоряжаться отправкой обоза в путь по утрам. Как правило, он вполне дружелюбно поторапливал отцов семейств: грузитесь-де поскорей, поскорей запрягайте волов, огромному каравану снова в дорогу пора… однако сегодня утром Джордж Доннер выглядел мрачнее тучи.

Стэнтон приветствовал Доннера взмахом руки. Ну что ж, пора наконец-то трогаться.

– Как раз, – начал он, – собирался волов…

Но Доннер его оборвал.

– Мы еще не выступаем, – угрюмо сообщил он. – Снова несчастье стряслось.

Охваченный дурными предчувствиями, Стэнтон затрепетал, однако сумел совладать с собой.

Брайант сощурился, подняв на Доннера взгляд.

– За аптечкой сходить?

Джордж Доннер заерзал в седле.

– Нет, другого рода несчастье. Один из мальчишек куда-то пропал. С утра родители отправились будить его, глядь – а в шатре никого.

У Стэнтона сразу же сделалось легче на сердце.

– Ребятишек то и дело куда-нибудь да унесет…

– В дороге – да, но не по ночам. Родители остаются здесь, искать сына. Кое-кто из остальных тоже останется, помогать им.

– Им еще добровольцы нужны? – спросил Стэнтон.

Доннер вновь отрицательно покачал головой.

– Добровольцев уже хоть отбавляй. Как только они оттащат фургоны с тропы, остальные тронутся дальше. Смотрите в оба, не заметите ли где следов парнишки. Даст бог, он вскоре объявится.

Волоча за собой пыльный смерч, Доннер поскакал дальше. Если ребенок убрел от лагеря в темноте, родители вряд ли когда-нибудь увидят его снова. Мальчишку необъятные просторы прерии, безжалостные, тянущиеся во все стороны пустые пространства, что подчиняют себе даже само солнце, проглотят и не заметят.

Стэнтон задумался. Может, все-таки следом отправиться? Лишняя помощь в поисках не повредит. Собравшись вскочить на коня, он коснулся ладонью горла. На пальцах осталась алая клякса. Опять порез кровоточит…

Глава вторая

Тамсен Доннер смотрела вперед. Вереница фургонов тянулась через равнину, насколько хватало глаз. Кому бы первому ни пришло в голову окрестить эти

повозки «шхунами прерий», умом и талантом природа его не обделила: навесы действительно выглядели, словно паруса кораблей, сверкали белизной под слепящим утренним солнцем. Густые клубы пыли из-под колес фургонов вполне можно было принять за гребни волн, несущих миниатюрные корабли через пустынное море.

Большинство пионеров предпочитали езде ходьбу, чтобы избавить волов от лишней тяжести, и шли по полям о бок от тропы, где пыль клубилась не так густо. Прочую живность – мясных и дойных коров, коз, овец – тоже гнали по травке, под присмотром вооруженных хлыстами мальчишек с девчонками и пастушеских псов, не позволявших норовистой скотине отбиться от стада.

Идти Тамсен нравилось. На ходу у нее появлялось время для поисков травок, необходимых для снадобий: тысячелистник – от горячки, ивовая кора – от головной боли. Найденные растения она заносила в дневник, помещая между страниц образчики незнакомых, для опытов и изучения.

Кроме того, ходьба позволяла мужчинам восхищаться ее сложением. Что толку выглядеть как она, если вся красота пропадает впустую?

Однако и это было еще не все. Просидевшую целый день в заточении, под навесом фургона, Тамсен начинал терзать изнутри все тот же зуд, неуемное, тревожное недовольство, рвущееся наружу, будто зверек из клетки, совсем как дома. Снаружи этот зверек, безрадостность, по крайней мере, мог побродить по окрестностям, а ей позволял передохнуть, поразмыслить.

Правда, в то утро она очень скоро пожалела, что не осталась в фургоне. В ее сторону грузно неслась Бетси Доннер, вышедшая замуж за младшего брата Джорджа. Нет, строго говоря, неприязни к Бетси она не питала, однако и симпатий, определенно, тоже. Несмышленая, простодушная, будто девчонка четырнадцати лет, Бетси нисколько не походила на тех, с кем Тамсен дружила в Каролине, до того, как вышла за Джорджа – на прочих школьных учительниц, особенно Исабель Топп, и на служанку Исабель, Хетти, научившую Тамсен разбираться в лекарственных травах, и на супругу местного пастора, умевшую читать по-латински… Как же Тамсен их теперь не хватало!

В этом и заключалась главная ее проблема. Обоз шел вперед уже полтора месяца, и Тамсен раздражало буквально все вокруг. Ей представлялось, будто,

чем дальше они уйдут на запад, тем свободнее она себя почувствует, а ощущения ловушки, из которой не вырвешься, Тамсен вовсе не ожидала. Да, в первые пару недель развлечений хватало: новизна жизни в фургоне, ночевки под звездным небом, необходимость с утра до вечера, каждый день бесконечного странствия, занимать детей, придумывая для них игры, превращая игры в уроки… Одним словом, начиналось все как приключение, но теперь все мысли Тамсен были заняты только непроходимой дорожной скукой да тем, сколь многое они оставили в прошлом.

Сколь многое она оставила в прошлом.

Как мрачная, неотвязная тоска по утраченному не унимается с пройденным расстоянием, а только крепнет.

Против переезда на запад Тамсен возражала с самого начала. Однако Джордж ясно дал ей понять: решения относительно средств к существованию всей семьи принимает он, и только он. К Тамсен он явился владельцем крупного сельскохозяйственного концерна, сотен акров возделываемых земель и огромного стада коров.

– Я рожден, чтобы преуспеть. Предоставь управление семейным бизнесом мне, и нужды никогда знать не будешь, – посулил он.

Его уверенность в себе казалась весьма заманчивой: одинокая, Тамсен изрядно устала полагаться только на собственные силы после того, как умер от оспы ее первый муж. Потому и сказала себе, что полюбит Джорджа со временем. Придется. Должна полюбить.

Иного избавления от вечного непокоя, от чувства собственного бессилия она не видела.

Кроме того, что бы она еще ни чувствовала, а Джори уж точно могла доверять. Брат счел Джорджа парой как раз для нее, и Тамсен склонна была в это поверить. Склонила себя в это поверить.

И вот Джордж пришел к ней с идеей переезда в Калифорнию.

– Калифорния – край великих возможностей, – сказал он, почитав книги поселенцев, проделавших этот путь. – Разбогатеем, как не смели мечтать. Там мы можем скупить тысячи акров земли, гораздо больше, чем когда-либо сумеем приобрести в Иллинойсе. Там мы положим начало собственной империи, а после передадим ее детям.

Соблазненный столь колоссальным размахом, на уговоры Джорджа поддался и его брат, Джейкоб. Когда же Тамсен завела речь о дошедших до нее слухах о неурядицах в Калифорнии:

– Разве там уже не живут мексиканцы? Не согласятся же они взять да отдать землю поселенцам. А все эти толки насчет грядущей войны с Мексикой на манер той, что случилась в Техасе? – Джордж попросту отмахнулся.

– Американцы в Калифорнию толпами валят, – возразил он. – Будь это опасно, правительство бы не позволило.

С этими словами он даже вынул из кармана любимую книгу, «Наставление эмигрирующим в Орегон и Калифорнию» за авторством Лэнсфорда Уоррена Гастингса, адвоката, проделавшего тот же путь в доказательство собственной правоты. И, хотя вопросов у Тамсен еще оставалось великое множество, в глубине души ей хотелось обрести ту же надежду, что и супруг… надежду на то, что в Калифорнии ее действительно ждет лучшая жизнь.

Однако пока она просто увязла в бесконечном путешествии, окруженная только людьми, совершенно ей безразличными. Родней мужа.

– Доброго утра, Бетси, – заговорила Тамсен, едва невестка приблизилась, и кое-как изобразила улыбку на лице.

Женщины вечно вынуждены улыбаться. Тамсен овладела этим искусством так хорошо, что порой сама себя побаивалась.

– Доброго утра, Тамсен, – откликнулась Бетси, невысокая, широкоплечая, широкобедрая, грудь и живот – что квашня, никакой корсет не удержит. – Новости слышала? Впереди, в голове обоза, мальчишка пропал.

Новостям Тамсен нисколько не удивилась. Обоз уже постигла целая череда неудач. Беда за бедой, беда за бедой, и все они – знаки, приметы, если умеешь их истолковать. Только на прошлой неделе, откупорив бочонок с мукой, Тамсен нашла в муке множество долгоносиков. Бочонок, конечно же, пришлось выбросить, и обошлась утрата отнюдь не дешево. На следующую ночь одна женщина, Филиппина Кезеберг, молодая жена одного из самых малоприятных субъектов в обозе, разродилась мертвым младенцем. Вспомнив, как мрак прерии словно бы окутывал причитания роженицы, не выпуская ее голоса за пределы света костров, Тамсен невольно поморщилась.

А после следом за ними увязалась стая волков, без остатка сожравших весь запас вяленого мяса одной из семей и даже ухитрившихся утащить жалобно верещавшего новорожденного теленка.

Ну а теперь – пропажа мальчишки.

– Волки, – предположила Тамсен.

Связывать меж собой оба эти несчастья ей совсем не хотелось, но что поделаешь, если само на ум пришло?

Ладонь Бетси вспорхнула к губам (одно из множества проявлений свойственного ей жеманства).

– Но ведь с ним в шатре другие детишки спали, – возразила она. – Разве они не проснулись бы, если…

– Как знать?

Бетси задумчиво покачала головой.

– Конечно, это индейцы могли быть. Я слышала, краснокожие после набегов на поселения не раз забирали белых детишек с собой…

– О боже, Бетси, ты за последние двадцать миль хоть одного краснокожего видела?

– Тогда что же с мальчишкой стряслось?

Тамсен только пожала плечами. Всевозможные ужасы случаются с детьми – и с женщинами – что ни день, под крышей родных домов, причем творят злодеяния те, кто им прекрасно знаком, кому вроде бы можно довериться. Мало этого, здесь поселенцы вынуждены жить бок о бок с сотнями незнакомых, чужих людей. Может статься, ужасающий грех – на совести одного из них.

Однако сама Тамсен жертвой трагедии не падет. По крайней мере, постарается. Какие-никакие чары да талисманы, помогающие отвести зло от собственного порога, в ее распоряжении есть.

Одна беда: против зла, затаившегося внутри, эти чары бессильны.

Неподалеку погонял кнутом стадо коров человек ей знакомый, Чарльз Стэнтон. Заметно моложе Джорджа, Стэнтон выглядел так, будто с детства тяжко трудился в поле, а не торчал за прилавком. Подняв глаза, он увидел устремленный на него взгляд, и Тамсен поспешила отвернуться.

– Сдается мне, правда намного хуже, чем мы способны вообразить, – сказала Тамсен, слегка порадовавшись испугу, мелькнувшему в глазах Бетси.

– А где сейчас твои девочки? – внезапно встревожилась невестка. – Я вижу только трех.

Обычно Тамсен велела дочерям первую половину дня идти пешком, надеясь, что прогулки помогут им сохранить силы и стройность. Порой красота дается девицам нелегко, но арсенал взрослой женщины настолько скуден, что этим оружием пренебрегать нельзя, и Тамсен хотелось, чтоб дочери – если получится – как можно дольше хранили его при себе. За младшими девочками, за Фрэнсис, Джорджией и Элизой, присматривали старшие, Элита с Лиэнн, дочери Джорджа от второй жены. Однако сегодня впереди шли только подростки, а Фрэнсис вилась вокруг них игривой коровкой, полная сил, радуясь, что все внимание обеих принадлежит только ей. В отдалении, перед девочками, опустив головы, кучкой, бездумно, будто волы в упряжке, топали вперед семеро сыновей и дочерей Бетси.

– Тут волноваться не о чем. Джорджия с Элизой в фургоне, – ответила Тамсен. – С утра они проснулись в горячке, расхныкались, и я решила позволить им отдохнуть.

– Да, вот это правильно. Малышки так быстро устают.

Порой мысли о том, что она – мать, приводили Тамсен в неподдельное изумление. Казалось, они с Джорджем женаты вовсе не так долго, чтоб породить на свет трех дочерей. Благодарение небесам, малышки оказались очаровательны, вылитая Тамсен в детстве, а вот Элита с Лиэнн, ширококостные, со слегка лошадиными лицами, наоборот, удались в отца.

Однако о материнстве Тамсен – в отличие от множества иных обстоятельств – не сожалела. Сказать откровенно, своими девочками она гордилась, в младенчестве (как еще маленькой научилась от индианки, прислуживавшей в доме отца) мазала их язычки медом, чтоб росли сладкими, вшивала в детские одеяльца свитые из свежих ветвей бальзамической пихты шнурки, чтоб дочери росли сильными.

У них всегда будет выбор: уж их-то никто, ничто не погонит силком под венец, как ее – и не однажды, а дважды.

Но ничего. У Тамсен есть способ, как сказали бы некоторые, поквитаться.

Стэнтон вновь встретился с Тамсен взглядом. Бетси ушла вперед, догонять сыновей с дочерьми, и на этот раз Тамсен не отворачивалась, пока он не отвел глаз сам.

Стоило ей опустить руку пониже, пальцы ее заплясали по чашечкам луговых цветов. Тут Тамсен на миг вспомнились лепестки золотых шаров, усеивавших огромные пшеничные поля брата, Джори, – неукротимые, изобильные. Да, она понимала, что дом ее впереди, а не позади, что воспоминания о ферме Джори – и обо всей прежней жизни – нужно гнать прочь, выбросить из головы… но сейчас это было ей не по силам.

Цветы покачивались, склоняясь под прикосновением, такие нежные, хрупкие, что ладоням щекотно.

Глава третья

Опустившись в траву, на колени, Мэри Грейвс придвинула жестяное корыто поближе к кромке воды. Река – тихий, спокойный отрезок Норт-Платт – текла мягко, неторопливо, но, может быть, лишь потому, что лето успело попробовать на ней остроту зубов. Повсюду вокруг виднелись приметы надвигавшейся засухи.

Обстирывать многолюдное семейство Грейвсов… Эта работа, в числе множества прочих хозяйственных дел, возлагалась на Мэри. Двенадцать человек: мать, отец, пять сестер, трое братьев, не говоря уж о муже старшей сестры, Сары, – столько народу означало уйму грязной одежды и простыней, а потому Мэри предпочитала стирать каждый вечер, но понемножку, не накапливая стирку грудами. Стирка… одна из немногих возможностей побыть одной. Почти весь день Мэри проводила в обществе родных: присматривала за младшими братьями и сестрами, помогала матери готовить еду, а по вечерам сидела со старшей сестрой у костра за штопкой одежды. С той самой минуты, как она просыпалась поутру, и до того, как наступало время развернуть скатку походной постели, ее окружал людской гам, со всех сторон атаковали голоса – просьбы, рассказы, жалобы. Порой Мэри начинало казаться, будто ее неотвязно преследует крепкий ветер, дующий разом со всех сторон: громогласный хохот и крики доносились из лагеря даже сюда, в этакую-то даль!

Обычно Мэри бежала из лагеря просто ради того, чтоб порадоваться тишине, не слышать ничего, кроме негромкого шороха высоких трав на ветру. Однако сегодня вечером напоминания о веренице фургонов неподалеку раздражали не слишком. Пропажа одного из мальчишек напугала всех, даже ее. Бедный Виллем Нюстрем… Его семья принадлежала к костяку обоза, а знакомиться с недавним пополнением «старички» не спешили, и потому Мэри видела мальчика только издали. Ребенком он казался замечательным: шести лет, постоянно играет, смеется, волосы – светлые чуть не до белизны… Братья Мэри, Джонатан и Франклин-младший, были ему ровесниками, и при мысли о том, что один из них вдруг исчезнет куда-то прямо посреди лагеря, сердце тревожно сжималось, трепетало у самого горла. Надо же: все – будто в одной из сказок о детях, похищенных злыми духами и унесенных в какой-то потусторонний мир…

По счастью, свет походных костров в отдалении хоть немного, да успокаивал. Мужчины гнали скот в высокие травы, на выпас, стреноживали лошадей, чтоб не забрели далеко, осматривали колеса и оси фургонов – не износились ли, проверяли упряжь, готовясь наутро продолжить путь. Детишки тащили к лагерю охапки хвороста для костров; младшим братишкам Мэри, отправляясь к реке, велела вычертить на земле колесо для игры в «Волки и овцы» – словом, все, насколько возможно, были при деле.

Едва начав отстирывать первую из одежек – заскорузлую от засохшего пота рубашку брата, Уильяма, Мэри увидела пару девиц, Гарриет Пайк и Элиту Доннер, идущих к ней сквозь высокие травы с корытами в руках. Дивясь охватившему ее облегчению, Мэри замахала обеим рукой.

– Доброго вечера, Мэри, – сухо сказала Гарриет.

Ровесницы, с Гарриет они, однако ж, были едва знакомы. Держалась двадцатилетняя Гарриет не по годам чопорно – наверное, оттого, что уже вышла замуж и даже детишками обзавелась. Тем более странно было видеть ее в компании Элиты Доннер, не только семью-восемью годами младше, но и, как многие говорили, державшей себя, будто совсем девчонка.

– Вы как раз вовремя, – старательно сохраняя бодрый, приветливый тон, заговорила Мэри. – Темнеет тут быстро.

Гарриет, разбирая стирку, смерила Элиту долгим косым взглядом.

– Ну, моя бы воля… Я стирки сегодня затевать не собиралась, но Элита упросила пойти с ней. Одна она, понимаешь ли, к реке спускаться боится.

Элита, ни слова не говоря, взялась стирать белье на мелководье, но голову в плечи втянула едва не по самые уши. Действительно, держалась Элита Доннер беспокойно, точно пугливая лошадь.

– Что это ты вдруг, Элита? – спросила Мэри. – Из-за пропавшего мальчика? Тогда стесняться тут нечего. Думаю, этот случай всех напугал.

Однако Элита отрицательно покачала головой, и Мэри прибегла к новой догадке:

– Стало быть, из-за индейцев?

Сказать по правде, сама Мэри встречи с индейцами дожидалась давно, только они все никак не объявлялись. В первый день после пересечения границ Индейской территории поселенцы видели издали небольшой отряд пауни, верховых, хладнокровно провожавших взглядами вереницу фургонов, змеей тянувшуюся через долину, однако к обозу пауни приближаться не пожелали.

В большинстве своем поселенцы индейцев боялись, вечно рассказывали истории о набегах краснокожих, похищающих скот и белых детишек, но Мэри во все эти байки не верила. Одна из поселенок с реки Литл-Блю рассказывала, будто у пауни всем заправляют женщины. Мужчины охотятся, мужчины воюют, однако решения принимают их жены.

Рассказ поселенки потряс Мэри до глубины души.

– Нет, я не индейцев боюсь, – отвечала Элита.

Работала она быстро, не отводя глаз от собственных рук. Очевидно, ей ничуть не хотелось задерживаться у реки хоть на секунду дольше, чем нужно.

– Призраков она боится, – вздохнув, пояснила Гарриет. – Думает, будто нечисто в этих краях.

– Неправда! Я вовсе не говорила, что это призраки, – огрызнулась Элита, но тут же умолкла, задумалась, перевела взгляд на Мэри. – Мистер Брайант рассказывал…

– Так вот что покоя тебе не дает? – фыркнула Гарриет. – Сказки мистера Брайанта? Откровенно скажу: поменьше бы ты его слушала.

– Это ты зря, – возразила Элита. – Он умный, ты сама так сказала. А сюда приехал, чтоб книгу об индейцах писать. И вот он говорит, индейцы ему рассказали, что здесь всюду духи – духи лесов, холмов, рек…

– Ох, Элита, выкинь из головы мистера Брайанта с его разговорами, – посоветовала Мэри.

Собственного отношения к мистеру Брайанту она толком не понимала. Да, человек он сведущий, это очевидно, и сломанную ногу Билли Мерфи, когда тот вылетел из седла, вон как умело сложил. Однако его манера рассеянно бродить по лагерю, будто бы постоянно вслушиваясь в голос, слышный ему одному, не на шутку сбивала с толку.

Элита нахмурила брови.

– Но я же их слышала! По ночам слышала, как они зовут меня. А ты не слышала разве?

– «Зовут»? – переспросила Мэри.

– Доверчива она больно. Мачеха ей романы позволяет читать, представляешь? Вот все эти сказки ей голову и вскружили, – проворчала Гарриет, взглянув на Мэри поверх макушки Элиты.

В сердце Мэри всколыхнулось нешуточное раздражение. Таких, как Гарриет, выглядевших, будто лица их медленно, день за днем, заостряются, истончаются, сжимаемые между страницами Библии, она за свои двадцать лет повидала в избытке.

– Уверена, пустяки это все, – сказала она, ободряюще потрепав Элиту по тыльной стороне ладони. – Наверное, ты просто разговоры в соседнем шатре услышала.

– Нет, на разговор двух человек это не походило, нисколько не походило, – прикусив нижнюю губу, воз разила Элита. – Скорее, будто… будто бы кто-то шепчет, резко так, повелительно, только голос уж очень тих, точно принесен ветром откуда-то издалека. Странный голос, печальный, чужой… я в жизни ничего страшнее не слышала.

По спине Мэри пробежала дрожь. Да, с тех пор как обоз двинулся вдоль берега Норт-Платт, она тоже слышала по ночам немало странного, но всякий раз

убеждала себя, что все это ей только чудится. Что это лишь крик какого-то незнакомого прежде зверя, или свист ветра в гулких стенах каньона. Среди таких просторов даже знакомые звуки кажутся совсем иными.

– Ну, это у тебя просто воображение разыгралось, – объявила Гарриет. – По-моему, не стоит тебе на людях о духах, индейцах и о прочем подобном болтать. А то подумают люди, будто тебя к язычеству тянет, как мистера Брайанта.

– Ох, Гарриет, брось, – с упреком сказала Мэри.

Но Гарриет не унималась:

– А что? Может статься, кто-нибудь из мужчин в обозе уже глаз на тебя положил, а покажешься ему дурочкой боязливой – он, глядишь, жениться и передумает!

Представив, что это шея Гарриет, Мэри с силой, едва не до треска скрутила в жгут последнюю из простыней и бросила ее в корыто, чтоб отнести выстиранное назад, к фургону.

– Ей всего-то тринадцать, – как можно беспечнее сказала она. – Не рановато ли о замужестве думать?

Гарриет приняла оскорбленный вид.

– По-моему, самое время. Я вот в четырнадцать замуж вышла, – буркнула она и холодно улыбнулась Мэри. – А как же насчет тебя? У тебя милый когда-нибудь был? Мне, например, странным кажется, что ты до сих пор незамужняя.

– Была я недавно обручена, – коротко ответила Мэри, ополоснув ладони в речной воде. – Но он погиб так внезапно, что обвенчать нас не успели.

– Вот горе-то, – пробормотала Элита.

– Судьба изменчива, – со всей возможной жизнерадостностью сказала Мэри. – Как знать, что тебе жизнь приготовила?

Гарриет вновь выпрямилась, расправила плечи, воззрилась на обеих свысока, поверх длинного носа.

– Удивляюсь я тебе, Мэри. Ты ведь добрая христианка! Жизнями нашими распоряжается только Господь Бог; что б ни случилось, причиной всему – замысел Божий. Должно быть, нашел Господь причину отнять у тебя жениха.

На это Мэри и ухом не повела, однако Элита ахнула.

– Гарриет, ты что говоришь? Не мог Господь так жестоко обойтись с Мэри!

– Я вовсе не говорю, будто Мэри в чем-либо виновата, – ответила Гарриет, хотя, судя по тону, именно это и имела в виду. – Я говорю, что такие вещи не происходят случайно. Господь просто сказал Мэри: нет, дескать, этот брак Ему не угоден.

Мэри прикусила язык. Да, Гарриет откровенно наслаждалась собственной беспощадностью, но в одном отношении была совершенно права. Мэри ни за что не призналась бы в этом никому (родителям – уж точно), однако в душе понимала: к замужеству она пока не готова. Ее сестра, Сара, в девятнадцать с радостью вышла за Джея Фосдика, но Мэри – совсем не то, что старшая сестра, и это с каждым минувшим днем становилось все очевиднее. Когда отец объявил, что им предстоит переезд в Калифорнию, она втайне от всех возликовала. Крохотный городишко, где Мэри жила с рождения, где все до единого знали о скромном происхождении ее семьи, и даже о том, что им приходилось топить печи коровьим навозом, а дрова продавать, пока посевы не прижились и урожаи не стали богаче, до смерти ей надоел. Здесь от нее всегда ожидали точного соответствия ожиданиям окружающих и стать чем-то большим не позволили бы ни за что, а далеко ли уйдешь вперед, если ярмо на шее не пускает?

Узнав о гибели жениха, она первым делом почувствовала невероятное облегчение, хотя стыдно ей сделалось – словами не передать. Мэри знала: выгодно выдав ее замуж, отец рассчитывал, надеялся изменить к лучшему положение всей семьи.

Сестру тоже выдали замуж по расчету, однако и без любви дело не обошлось. А вот насчет Мэри (и она о том знала) у Франклина Грейвса с самого начала имелись иные планы. Именно у нее, согласно его представлениям, имелись все

шансы на выгодное замужество, которое спасет всех. Сколько раз отец говорил, что она – единственная его надежда… о-о, даже не сосчитаешь.

Впрочем, решив сосчитать, сколько раз пожалела, что самой красивой родилась не Сара, а она – та, на чьи плечи возложено благополучие близких, – Мэри тоже наверняка сбилась бы со счета.

Гарриет поднялась, прижимая корыто к бедру.

– У Господа для каждого из нас приготовлен особый замысел, и не нам сомневаться в мудрости Божией. Нам надлежит только слушать и повиноваться. Я возвращаюсь в лагерь. Элита, ты со мной?

– Я еще не закончила, – покачав головой, отвечала Элита.

Мэри успокаивающе коснулась ее плеча.

– Не волнуйся, я тебя подожду. Вместе вернемся.

– Вот и ладно, – едва оглянувшись, бросила Гарриет. – А то ужин сам себя не приготовит.

– Мэри, ты ведь не против, если я тебе обо всем расскажу? – заговорила Элита, подождав, пока Гарриет не уйдет подальше. Глаза ее округлились, сделались невероятно огромными, и она снова украдкой оглянулась назад. – Я просто должна хоть кому-нибудь, да рассказать. На самом деле меня пугают вовсе не голоса. К голосам я давно привыкла. Тамсен говорит, будто у меня особый дар, способность чувствовать мир духов. Она всем этим давно интересуется. К той женщине в Спрингфилде ходила – по ладони гадать, и на картах тоже, на будущее. Эта женщина ей и сказала, что духи меня любят. Что им легко со мной говорить.

Поколебавшись, Мэри взяла ее за руку. Ладонь Элиты оказалась холодна от речной воды.

– Окей, рассказывай. Что же стряслось?

Элита неторопливо кивнула.

– Два дня назад, когда мы наткнулись на ту заброшенную охотничью заимку…

– Возле Аш-Холлоу? – уточнила Мэри.

Крохотную, на скорую руку сооруженную хижину, дощатые стены, добела, словно кость, выгоревшие под беспощадным солнцем прерии, она помнила до сих пор. Печальное, безлюдное место, вроде заброшенного фермерского домика, мимо которого ее семья каждое воскресенье ездила в церковь. Источенные непогодой стены и крыша, темные окна, словно пустые глазницы древнего черепа – все это живо напоминало о крахе другого, чужого семейства.

– Пусть это станет тебе уроком, – однажды, не так уж много лет спустя после того, как они сами едва не переступили грань разорения, сказал ей отец, придержав лошадей, неспешно тащивших повозку мимо. – Если б не милосердие Господа, на их месте могли бы оказаться мы.

Что говорить, мир так хрупок… сегодня – всходы, а завтра – труха.

Элита на миг зажмурилась.

– Да. Возле Аш-Холлоу. Ты внутрь заходила?

Мэри отрицательно покачала головой.

– Письма. Сотни писем повсюду. На столе ворохом, камешками прижаты. Мистер Брайант сказал, их оставили пионеры, первопроходцы, чтоб первый же путник, направляющийся на восток, довез письма до ближайшего почтового отделения. И я… – Во взгляде Элиты мелькнуло сомнение. – Как, по-твоему, Мэри, очень ли плохо я поступила, прочитав некоторые?

– Элита, но ведь писали-то не тебе!

Щеки Элиты вспыхнули румянцем.

– Я решила, что никого не обижу. Это ведь – будто рассказы читать. Многие письма не были запечатаны, просто свернуты да оставлены на столе, а, стало быть, писавшие понимали, что их может прочесть любой, кто угодно. Только они оказались не письмами.

Глядя в лицо сидящей перед нею на корточках Элиты, бледное, словно восходящая луна, Мэри недоуменно моргнула.

– Это как же?

– Адресов получателей не было ни на одном, – пояснила Элита, понизив голос до шепота. – И никаких новостей в них не нашлось… я разворачивала одно за другим, и во всех говорилось одно и то же, снова и снова.

– Все равно не понимаю, – созналась Мэри. Казалось, по спине ее, вдоль позвоночника, беспокойно семенит вверх-вниз паучок. – Если это не письма, то что?

Элита неловко сунула руку в карман передника и подала Мэри небольшой, сложенный вчетверо листок бумаги.

– Я сохранила одно из них. Подумала, что это нужно кому-нибудь показать, но еще не показывала. Просто не знаю кому. Мне же никто не поверит. Может, подумают, будто я это сама написала, чтобы внимание к себе привлечь, но это не я, Мэри, честное слово, не я.

Мэри взяла листок. Пролежавшая много дней на жаре, бумага оказалась хрусткой и ломкой – как бы в руках не рассыпалась, прежде чем развернешь. Чернила выцвели, словно писали давным-давно, но разобрать написанное удалось без труда.

«Назад, – гласила паутинно-тонкая вязь букв. – Поверните назад, не то все вы погибнете».

Глава четвертая

Мальчишку Нюстремов – вернее, то, что от него осталось, – нашли тем же вечером, чуть позже.

Леденея от ужаса, комком застрявшего в горле, Стэнтон двинулся следом за Джорджем Доннером. За пределами круга фургонов их встретил мрак безлюдной равнины.

Пропажу считаные минуты назад обнаружили двое возниц, гнавших коров на выпас. Увидели в меркнущих лучах заката брешь среди высокой травы и решили взглянуть, что там. Оба – малые тертые, не из робких… однако при виде находки одного из них вывернуло наизнанку.

Впереди, в темноте, маячил рой огоньков. Поначалу Стэнтон принял их за какой-то морок, но, стоило подойти ближе, огоньки превратились в пламя – в пламя горящих факелов. Находку обступили со всех сторон около дюжины человек. Отсветы факелов мерцали над их головами огненным ореолом. Большинство собравшихся Стэнтон знал – и Уильяма Эдди, и Льюиса Кезеберга, и Якоба Вольфингера, и, разумеется, Эдвина Брайанта, однако среди них обнаружилось несколько «старичков» из изначальной партии, друзей семьи мальчика, а этих он прежде видел разве что мимоходом. Откуда-то издали, волною накрыв безлюдную равнину, донесся странный звук, нечто среднее между плачем и воем.

– Клятые волки, – пробормотал кто-то.

Протиснувшись в круг, Стэнтон прежде всего увидел внутри Эдвина Брайанта на коленях. Алое, влажно блестящее пятно в траве перед Брайантом оказалось телом. Опустив взгляд, Стэнтон невольно зажмурился. В жизни он всякой мерзости повидал, но чего-либо настолько чудовищного припомнить не мог. С этой мыслью он открыл глаза снова.

Нетронутой осталась одна голова. Сказать откровенно, глядя только в лицо, даже не заподозришь, будто здесь что-то неладно. Глаза закрыты, пушистые ресницы на фоне кожи, белой, как мел, кажутся почти черными, необычайно светлые волосы прилипли ко лбу, крохотные губы сомкнуты… казалось, мальчишка попросту мирно спит.

А вот от шеи и ниже…

Джордж Доннер, остановившийся рядом, тоненько заскулил.

– Что ж с ним такое стряслось? – проговорил Льюис Кезеберг, ткнув в землю близ мертвого тела прикладом ружья, будто это поможет найти ответ.

Кезеберг с Доннером были друзьями, хотя в чем заключается основа их дружбы, Стэнтон себе даже не представлял. Кезеберг – тип мрачный, буйного нрава, неуступчивый до твердолобости: вот-де, твоя сторона, а вот моя. Трудно было поверить, что ему хватает терпения растить малышку-дочь.

– Волки, наверное: вон как тело изодрано.

Уильям Эдди беспокойно поскреб в бороде. Нервничает… Плотник не из последних, Эдди умело чинил треснувшие оси и разбитые колеса, отчего пользовался популярностью среди шедших с обозом семейств, однако Стэнтон ему, дерганому, раздражительному, доверять не спешил.

– А вы что скажете, док? – с мягким немецким акцентом спросил Якоб Вольфингер.

Брайант, не поднимаясь с колен, выпрямился, уселся на пятки.

– Я вовсе не доктор, – напомнил он, – и ничего толком сказать тут не могу. Однако, хотите верьте, хотите нет, а по-моему это не волки. Слишком уж… аккуратно сработано.

Стэнтон невольно передернулся. Строго говоря, от мальчишки даже тела-то не осталось. Почти ничего не осталось, кроме скелета. Кроме ошметков плоти да россыпи костей на вытоптанной, залитой кровью проплешине среди травы, да груды внутренностей, дочерна облепленных мухами. Не давало покоя еще и то, что мальчишка пропал не здесь – в шести милях отсюда. Волки не станут тащить труп так далеко, прежде чем сожрать.

– Волки или не волки, а явно кто-то здорово изголодавшийся, – заметил Доннер, бледный как полотно. – Останки нужно захоронить. Женщинам и детишкам

совсем ни к чему это видеть.

Эдди сплюнул под ноги.

– А как же родители? Должен же кто-то взглянуть и сказать, тот это мальчишка или не тот…

– Вокруг глушь несусветная. До ближайшего поселения белых не один день пути, – напомнил Вольфингер. – Кто это еще может быть?

Вольфингер мало-помалу сделался главой немецких иммигрантов, шедших с обозом, служа переводчиком тем, кто не успел освоить английского. Как правило, немцы держались особняком и часто, по вечерам, сгрудившись у своих костров, о чем-то тараторили по-немецки, однако миловидной юной жены Вольфингера, Дорис, чьи руки казались созданными скорее для игры на рояле, чем для таскания дров или, скажем, возни с лошадьми, Стэнтон из виду не упустил.

В конце концов двое отправились за лопатами, а остальные разошлись кто куда, проверить, как там родные, разбудить уснувших детишек или просто взглянуть на них, убедиться, что с ними все благополучно.

Дождавшись очереди, Стэнтон засучил рукава и принялся копать.

Большой ямы под останки не требовалось – осталось от мальчугана не так уж много, однако закопать их следовало поглубже, чтоб ни один зверь не добрался до костей. Кроме этого, тяжелый труд сейчас был как раз кстати: перед сном Стэнтону очень хотелось бы посильнее устать.

Настолько, чтобы уснуть без сновидений.

Как и следовало ожидать, Джордж Доннер, оставшийся возле находки, всего-навсего бросил в могилу пару лопат земли, а когда с захоронением было покончено, запинаясь, произнес над свежим холмиком короткую молитву. В ночной темноте древние фразы звучали жидковато, беспомощно.

К фургонам Доннер и Стэнтон отправились вместе, в компании Джеймса Рида и Брайанта. Рида Стэнтон толком не знал и к близкому знакомству с ним не стремился. В кругу крупнейших спрингфилдских предпринимателей этого человека знали прекрасно, однако не слишком любили.

Рид поднял догорающий факел повыше, но с окружавшей их темнотой пламя факела справлялось неважно. И он, и Доннер то и дело выпадали из освещенного круга; бледные лица их маячили на периферии, будто призрачные. Земля под ногами была неровна, коварна, сплошь в норах луговых собачек[1 - Луговые собачки – грызуны, напоминающие сурков, обитающие в прериях Северной Америки (здесь и далее – прим. перев.).] да кочках, поросших высокой травой. С наступлением ночи гнетущая жаркая духота спала, однако в воздухе по-прежнему веяло сухостью, пылью.

– В жизни с подобным не сталкивался, – нарушив долгое молчание, заговорил Рид. – А с вашим мнением, мистер Брайант, я согласен вполне. Напади на мальчика зверь, тело выглядело бы куда безобразнее. Ответ очевиден: индейцы. Кроме индейцев, некому, – объявил он и вскинул кверху ладонь, заранее отвергая всякие возражения. – Знаю: вы, мистер Брайант, слывете вроде как знатоком индейцев, живете среди них, разговоры с ними ведете, в книжечку эту свою записываете разные разности. Однако вы никогда не дрались против них, никогда не видали их в ярости, а я видел. Уж я-то знаю, на что они способны.

Об участии в Войне Черного Ястреба[2 - Война Черного Ястреба – вооруженный конфликт между США и индейскими племенами, не признавшими договора, согласно которому племенные земли перешли во владение США в обмен на незначительные подарки. Черный Ястреб – военный вождь племени сауков, действовавший против США.] Рид рассказывал всякому, кто согласится слушать, – возможно, затем, чтобы старые, тертые «волки прерий» не считали его городским белоручкой.

– Так и есть, мистер Рид, – мягко ответил Брайант. – Все известное мне об индейцах я узнал из разговоров с ними, а отнюдь не стреляя в них издали. Однако спорами ничего не решишь. Даже вы не можете не согласиться: внушив людям, будто в убийстве ребенка виновны индейцы, мы очень скоро окажемся в крайне скверном положении. Обоз идет через Индейскую территорию. Паника среди поселенцев нам совсем ни к чему. А кроме этого, – продолжал он, прежде чем Рид успел возразить, – об индейском обычае таким вот образом разделывать и потрошить тела я лично никогда прежде не слышал.

Доннер резко повернулся к нему.

– Разделывать и потрошить? По-вашему получается, мальчишку пустили под нож, как теленка?

На это Брайант не ответил ни слова. К чему? Ответ и без того ясен.

– Разделан и выпотрошен – значит, убит умышленно, – заговорил Стэнтон. Даже слова эти казались омерзительными на вкус. – Но если не индейцами, то кем?

Брайант мрачно поджал губы.

– Нельзя забывать вот о чем: убийцей мальчика вполне может оказаться один из идущих с обозом. Тот, кто уже среди нас.

Все, разом насторожившись, умолкли.

– Вздор, – пробормотал Рид.

Рука его, как обычно, когда Риду становилось не по себе, скользнула в карман, за носовым платком. Красноречивый знак.

– Но ведь такой человек, конечно же, выделялся бы среди остальных, разве нет? – сказал и Доннер, теребя пуговицы сюртука. – Повадки его мигом выдадут.

Однако Стэнтон знал: это далеко не всегда так. Вид убитого мальчика напомнил ему о прошлом – о массачусетских временах, о том, как на его глазах вытащили из-подо льда, уложили на снег любимую девушку. Лидия… пятнадцать лет миновало, а вспоминать до сих пор невыносимо больно. Выглядела она, будто только-только уснула: лицо так же спокойно, как и лицо мальчишки, и все это спокойствие – сплошной обман. Особенно живо ему запомнились веера темных ресниц, прилипших к коже, до синевы побледневшей от долгого пребывания в ледяной воде, и губы, пурпурные, точно кровоподтек. В тот зимний день ее выгнало на тонкий, ненадежный лед, укрывший реку, нечто ужасное, зло, обитавшее по соседству, но он, Стэнтон, не сумел его разглядеть. По крайней мере, в этом дед оказался прав: зло незримо, зло таится повсюду.

– Бывает, помешанные, когда нужно, могут вести себя, будто нормальные, – пояснил Брайант. – Возможно, ему по силам таиться от нас еще долгое время. Возможно, ему по силам прятать свою истинную натуру до бесконечности.

Рид утер пот со лба.

– Мне одно ясно, – сказал он. – Хорошо, что полковник Рассел вовремя отошел от дел. Пора выбирать нового капитана.

Стэнтон покосился на Доннера. Казалось, в пляшущих отсветах факела Рида его обычная важность слегка потускнела. Один из помощников Рассела, Доннер явно весьма дорожил и высотой своего положения, и сопутствующими ей необременительными обязанностями. Ему нравилось иметь право голоса в управлении походной жизнью, и уж точно нравилось, что на него глядят снизу вверх. Из-за этой жажды всеобщего обожания Стэнтон уважал его куда меньше.

– Не собираетесь ли вы обвинить в этом Рассела? – спросил Брайант.

– Прежде всего, его вообще выбирать в капитаны не следовало. Будь на его месте кто посильнее духом, ничего этого не случилось бы, – откашлявшись, отвечал Рид, и Стэнтон сразу же понял, что последует дальше. – Ну а моя репутация, полагаю, говорит сама за себя.

– Я бы на вашем месте собственного положения не переоценивал, – вмешался Доннер. Повернутое к свету, округлое, щекастое лицо его масляно заблестело. – Возможно, бизнесмен вы хороший, но вряд ли это многого стоит здесь, на тропе.

– Я в партии уже один из главных – если не по званию, то на деле. Отрицать этого вы не можете, – сухо ответил Рид.

Тут Стэнтон вынужден был с ним согласиться: когда б ни возникла нужда принять важное решение, люди невольно оглядывались на Джеймса Рида.

– Вы втравите нас в убийство первого встречного индейца, – зашипел Доннер. – Втравите нас в войну, хотя о причинах гибели мальчика мы ровным счетом ничего достоверно не знаем.

– Понятно. Полагаю, вы думаете, что из вас выйдет лучший капитан партии, чем из меня? – язвительно осведомился Рид.

Факел чадил, догорал, однако румянец на щеках Доннера Стэнтон без труда разглядел даже в его скудном свете.

– Сказать откровенно, да. Опыт руководства обозом у меня есть. Меня люди знают… и любят. Людские симпатии, Джеймс, дело важное. Не стоит их недооценивать.

В глазах Рида вспыхнули злобные искорки.

– Я лично предпочитаю любви уважение.

Доннер одарил его фальшивой улыбкой.

– Вот потому-то вас в капитаны и не изберут. Попросту выйти вперед да начать распоряжаться направо-налево – нет, в жизни так не бывает. Уважение людей нужно заслужить, а вы его пока что не заслужили.

Рид замер на месте как вкопанный. Казалось, его голова так переполнилась яростью, что вот-вот лопнет.

– А вас в обозе, думаете, уважают? Всем известно: вы даже собственную жену приструнить не способны!

Тут и все прочие остановились, подняв в воздух клубы густой пыли. Зябко поежившись, Стэнтон перевел взгляд на Джорджа Доннера. Обрамленное мраком, лицо Доннера побледнело, словно в нем не осталось ни единой кровинки. Не шевелясь, опустив книзу руки (кулачищи – что палицы), Доннер грозно навис над тщедушным Ридом, однако Джеймс Рид не дрогнул. В эту минуту он казался сильнее.

Воцарившуюся тишину нарушил втиснувшийся между спорщиками Брайант.

– Джентльмены. Час уже поздний… Все мы сегодня переволновались…

Только тут Стэнтон заметил, что затаил дух, хотя драки между Ридом и Доннером вовсе не ожидал. Да, Джеймс Рид не из робких, однако слишком спесив, чтоб опускаться до потасовки. Стэнтон давно замечал, как он заботится о собственной внешности, с какой маниакальной одержимостью чистит ногти и подстригает бородку, а одежду без конца очищает от пыли, хотя четверти часа не пройдет, и сюртук опять станет грязным. Что же до Доннера – этот, конечно, задирист, но внутри, в сердцевине, слишком уж мягок, мягок, как губка, слишком зависим от окружающих в суждениях и поступках. Этот сам марать рук не станет, предпочтет грязную работу другим поручить.

И все же повисшая в воздухе напряженность Стэнтону крайне не нравилась, пусть даже Рид, ни слова больше не говоря, направился прочь.

– Бред какой-то, – пробормотал Доннер, покачав головой, пожелал остальным доброй ночи и тоже двинулся к лагерю.

Глядя, как он шаг за шагом удаляется в темноту, Стэнтон на миг позавидовал Доннеру: его ожидала семья, общество прекрасной жены и детишки, сладко посапывающие во сне…

Брайант шумно перевел дух.

– Дай бог, чтоб нас смог возглавить кто-то еще.

Стэнтон кивнул вслед ушедшим, полностью скрывшимся во мраке прерии.

– А ты бы кого из них выбрал, если другого выбора нет?

– Я бы охотней за Ридом пошел, чем за Доннером. Этот на роль вожака больше подходит. Хотя, если уж хочешь знать правду, я всем другим предпочел бы тебя.

– Меня? – Стэнтон едва не расхохотался. – В этом тебя вряд ли хоть кто-то поддержит. Семейные мне, холостому-бездетному, не доверяют, да и зачем мне лишняя головная боль? Мне своих забот хватит. Если уж тебе так интересно, кто станет главным, отчего сам не вызовешься?

Брайант криво улыбнулся.

– Нет, так просто меня от ухода не отговоришь.

– То есть ты твердо решил отколоться и ехать вперед? – уточнил Стэнтон. – Путешествовать небольшим отрядом, пока погубивший мальчишку, кем он ни окажись, рыщет на воле… рисковая это затея.

Брайант склонил голову на сторону, будто прислушиваясь к чему-то вдали.

– Верно, рисковая. Знаешь, все это мне кое-что напоминает. А именно – старую, многолетней давности сказку.

– Из тех, что индейцы рассказывают?

Улыбка Брайанта сделалась куда больше похожей на прищур.

– Нет. Одну странность, случившуюся со мной во времена учебы на доктора. Невероятную, будто сказка. Если когда-нибудь разберусь в этой дичи, непременно тебе расскажу, – пообещал он, поворачиваясь к лагерю и помахав Стэнтону на прощание. – Удачи, Стэнтон. Счастливо оставаться. Будет возможность – пришлю весточку.

«Невероятную, будто сказка»… Эти слова отчего-то засели в памяти Стэнтона – крепче некуда.

На ночлег Стэнтон, как обычно, расположился в стороне от соседей: по вечерам он предпочитал одиночество. Сквозь частокол деревьев виднелись фургоны, шатры для сна, костерки, догорающие в ночной темноте; в воздухе веяло пищей, приготовленной к ужину, но куда ни взгляни – вокруг костерков было пусто. Отцы семейств разогнали домашних по шатрам. Все как всегда: приходит несчастье, и круги сужаются, люди в первую очередь стремятся уберечь от беды своих.

Стэнтон заранее знал, что истерзанное тело мальчишки в покое его не оставит… и, конечно же, оказался прав, но это было еще не все. К этой напасти прибавилась новая – назойливое, неотвязное, точно резкая вонь крови над прерией, ощущение подспудной близости чего-то жизненно важного, начала

какой-то незримой нити событий. Отроду не любивший ссор, намек Доннера он понял прекрасно, и ничего хорошего этот намек не сулил. «Не стоит недооценивать людских симпатий»… Сам Стэнтон ради всеобщей любви никогда вон из кожи не лез, а значит, союзником мог считать только Брайанта, а Брайант собрался покинуть обоз, и мысли о том, что убийца мальчишки может оказаться одним из партии, здорово действовали на нервы. Склонных к жестокости, и даже к жестокости извращенной, в обозе хватало с избытком. Кроме того, Брайант, помнится, говорил, что опасные склонности вполне можно скрывать. По слухам, тот же Кезеберг тайком от окружающих бил молодую жену, и Стэнтон этим слухам вполне доверял. Шулер-самоучка да вдобавок злопамятный – с такого станется, заимев на кого-либо зуб, при случае поквитаться.

А, скажем, Джон Снайдер, нанятый в батраки семьей Грейвсов? Тиранит возниц помоложе немилосердно, частенько отнимает у них вечернюю порцию пива или заставляет вместо себя нести караул… Что говорить, малоприятных типов в обозе полно, но все они, если вдуматься, подонки обычные, заурядные. На запад таких едут сотни, если не тысячи, и в роли чудовища, способного зверски погубить шестилетнего мальчишку, Стэнтон ни одного из них представить не мог. Тут нужна кровожадность особая, ни на что не похожая, а потому вопрос, оставшийся без ответа, вызывал невольную дрожь.

Дело ясное: заснуть не удастся.

От брошенного без присмотра костра осталась разве что пара тлеющих углей. Возиться с ужином было поздно, однако голода Стэнтон не чувствовал – особенно после того, что видел в прерии. Уж лучше заползти под одеяло, прихватив с собою остатки виски, и попытаться стереть из памяти неотступно маячащую перед глазами картину – вспомнить бы только, куда бутылку запрятал…

Однако стоило ему подойти к фургону, невдалеке послышался шорох шагов. Стало быть, он не один.

Рука сама собой скользнула к бедру, за револьвером, однако из темноты, сдвинув со лба платок, выступила Тамсен Доннер. Ее появление поразило Стэнтона, точно нож в сердце. Слишком уж Тамсен Доннер красива. Не к добру такая красота.

Ни для кого не к добру.

Стэнтон убрал ладонь с кобуры.

– Чем могу служить, миссис Доннер?

Ее фамилию он произнес с особой, подчеркнутой внятностью.

Обычно зачесанные к затылку, волосы Тамсен Доннер рассыпались по плечам. Когда он в последний раз касался женских волос? Еще в Спрингфилде. Была там одна молодая вдовица, работавшая у шляпника на той же улице… Тихая, будто мышка, она дважды в неделю прокрадывалась по черной лестнице в его спальню над бакалейной лавкой. Копну мелких кудряшек вдовица неизменно укрощала при помощи множества шпилек, словно стесняясь их жесткости, их необузданности, а темные волосы Тамсен Доннер падали книзу, совсем как вода.

– Последние новости разлетелись по всему лагерю, – сказала она, глядя ему в лицо. – Муж ушел, исчез неизвестно куда. Возможно, у меня в голове помутилось, но… понимаете, все мысли об одном: мне нужна чья-то помощь… и я вспомнила о вас.

Стэнтон прекрасно знал, что мужчин в семействе Доннеров хватает: взять хоть родного брата Джорджа, Джейкоба, не говоря уж о наемных погонщиках волов. Для защиты женщин и детей вполне достаточно… однако она, оставив дочерей без присмотра, явилась за помощью к нему, к практически чужому человеку?

Тамсен придвинулась ближе, сдвинув платок так, что Стэнтон смог разглядеть ее ключицы и верхнюю часть белых, безупречно округлых грудей, туго стянутых вырезом платья.

– Надеюсь, вы не против моего прихода?

У Стэнтона пересохло в горле. Отвести взгляд от гостьи удалось не без труда.

– Ваш муж вернется с минуты на минуту.

Губы Тамсен дрогнули, сложившись в кривую усмешку.

– Муж? – беспечно, точно речь шла о скатившемся с холма валуне, переспросила она. – Вы же знаете Джорджа. Успокаивать окружающих ему удается прекрасно. Им он сейчас нужнее, чем мне.

Казалось, с ее стороны появление здесь – нечто вроде жертвоприношения. Коснувшиеся щеки Стэнтона пальцы оказались прохладны, а пахли какими-то незнакомыми, причудливыми духами, вроде сока цветочных лепестков пополам с веющим над прерией ветром. Тамсен Доннер собирала травы и вроде как составляла из них какие-то зелья, и в обозе шептались, будто она – ведьма, умеющая становиться неотразимой в глазах мужчин. Возможно, так оно и было.

Стэнтон поцеловал ее.

Вовсе не из святых, даже не из добропорядочных, телом он был крепок, силен, однако давно подозревал, что в глубине души слаб. Нежный изгиб ее губ. Слабость. Легкое прикосновение ее локонов к подбородку. Слабость. Ее запах. Опять слабость.

Прохладные пальцы скользнули под куртку, отыскали грудь, и Стэнтона жаром опалила догадка: да ведь Тамсен Доннер пришла к нему не случайно. Она все серьезно обдумала. Она знает, что делает.

Собрав волю в кулак, он кое-как сумел отвернуться.

– Стоит ли так дразнить холостого мужчину, миссис Доннер?

Ее губы приблизились к самому уху, слова защекотали шею:

– Вы правы. Мне вовсе не хочется неприятностей.

Незримая нить начала разматываться.

В фургоне они оказались прежде, чем Стэнтон успел осознать, каким образом – по всему судя, как-то перебрались через задний борт, скользнули под полог и укрылись в его темных недрах. Места в повозке, груженной доверху, – не разгуляешься, и потому Тамсен пришлось уложить на комод, притянутый к борту веревками, а стоило ощупью, почти ничего не видя во мраке, взять ее, пол под

ногами закачался, точно палуба корабля.

Когда Стэнтон кончил, она пронзительно вскрикнула (пожалуй, то был единственный изданный ею звук), а Стэнтон в тот миг почувствовал не свободу, не облегчение – казалось, он падает, падает навзничь. Чтоб устоять на ногах, пришлось, взъерошив пятерней волосы, перевести дух, а Тамсен Доннер тем временем немедля привела себя в прежний вид, упрятала груди в темницу корсета и лифа, оправила юбки, прибрала растрепавшиеся волосы… и снова стала прекрасной. Прекрасной и неприступной, куда более чужой, чем прежде.

Стэнтон покачал головой.

– Не стоило этого делать.

Только сейчас осознал он всю серьезность содеянного. Жена Доннера…

Мелькнувшее на лице Тамсен Доннер выражение сильнее всего походило на страх, однако исчезло так быстро, что вполне могло просто почудиться ему в сумерках.

– На свете много того, чего не стоит делать, мистер Стэнтон, – моргнув, откликнулась Тамсен Доннер.

Вспомнив слова деда: «Не искушай дьявола, парень», – Стэнтон вскинулся, вздрогнул, как будто снова почувствовал тот самый удар пряжкой поясного ремня по лицу, полученный после того, как он, девятилетний, был пойман целующимся с соседской дочерью в церковном дворе. Каким же несчастным, горемычным оказалось его детство в дедовом доме! Как злился он на отца, оставившего их с матерью на дедовом попечении…

Едва в голове прояснилось, Стэнтон почувствовал жгучую, острую боль чуть ниже затылка, а, подняв руку, нащупал на шее кровь.

– Ты меня оцарапала?

Тамсен Доннер подняла взгляд. Глаза ее оказались темны до непроницаемости. Бесстрастны. Холодны.

– Надеюсь, все обойдется без неприятностей.

На сей раз в ее голосе звучали совершенно иные нотки.

– Это угроза?

Однако она не ответила – попросту ловким, изящным прыжком перемахнула через задний борт и скрылась. Вскоре ее негромкие шаги утихли, а Стэнтон (жаль, слишком поздно) осознал, какого свалял дурака. Как же он раньше не разглядел: ведь эта женщина – один из соблазнов, которых лучше не испытывать на себе, вроде виски такой крепости, что к утру ослепнешь.

Может, с ней удастся договориться добром?

Перекинув ногу через борт фургона, Стэнтон спрыгнул на землю и, к немалому своему потрясению, увидел в кустах, совсем рядом, девчонку лет этак двенадцати – растерянную, перепуганную. Вот тут ему стало страшно всерьез. Давно ли она здесь торчит?

– Погоди! – окликнул он девчонку, пока та не пустилась наутек. – Погоди, девочка… ты чья такая? Не Бринов ли дочь?

Детишек с обозом шло столько, что всех не упомнишь.

Девчонка оцепенела, замерла на месте, словно вдруг разучившись бегать.

– Нет, сэр. Я – Элита Доннер.

Только этого не хватало!

– Что ты здесь делаешь? – спросил Стэнтон.

– Я… меня послали за хворостом, и я просто к своим возвращалась, чем угодно клянусь.

Щеки ее раскраснелись, глаза блестели, поджатые губы придавали девчонке изрядно упрямый вид… и, мало этого, никакого хвороста у нее при себе не имелось.

– Скажи, Элита, что ты здесь видела? – спросил Стэнтон, шагнув к девчонке. – Выкладывай, да не лги.

Угрожать ей он даже не думал, однако Элита развернулась и вспугнутым олененком метнулась в заросли. Стэнтон бросился было следом, но тут же взял себя в руки. Не стоило взрослому гоняться по лесу за девочкой, особенно после недавней находки.

Твердо решив отыскать спрятанную бутылку виски, он повернул к фургону. Он знал: ночью его ждет новый визит Лидии. Вначале мальчишка, потом Тамсен… да, встречи с Лидией тоже не миновать. Бедная Лидия снова явится к нему во сне, в промокшем до нитки платье, облепившем иссиня-бледное тело, и будет просить спасти ее. «Чарльз, я без тебя не могу»… этих слов он ни разу не слышал от нее при жизни, однако они отражались в ее взгляде всякий раз, как Лидия являлась к нему в сновидениях. Как мог он, прекрасно зная ее, не заметить ужасной правды?

«Помоги, Лидия, – подумал Стэнтон, возвращаясь назад, к курящемуся дымком костру. – Помоги хоть на этот раз, хоть сейчас разглядеть чудовищ, пока они не натворили бед».

Глава пятая

ИНДЕЙСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ, ФОРТ ЛАРАМИ

Дорогая Марджи!

Вот мы наконец и в форте Ларами, в самом сердце Индейской территории. Полтора месяца ночевавший под открытым небом, питаясь из седельных сумок, приезду сюда я обрадовался несказанно: во-первых, форт Ларами сулил

возможность побриться и принять самую настоящую горячую ванну, а во-вторых, здесь меня вполне могло поджидать твое письмо.

Возможно, ты будешь довольна, узнав, что целую неделю после отъезда из Индепенденса я только и думал, не совершил ли ужаснейшую ошибку всей моей жизни. Как мог я, женившись сорока двух лет от роду, по собственной воле уехать от той, с кем решил провести остаток жизни? Однако, едва смятение унялось, я задался целью познакомиться поближе с партией, примкнувшей к обозу сразу же за Индепенденсом. Новички, общим счетом около шести семейств, причем некоторые – люди весьма обеспеченные (судя по целым фургонам мебели, слугам и даже слухам о крупных суммах в серебряной и золотой монете), следуют в Калифорнию из Спрингфилда, штат Иллинойс. Кроме них к нам присоединилась горстка холостяков, задумавших поискать счастья на Западе.

Самый видный в их партии, несомненно, Джордж Доннер, патриарх целого клана Доннеров, состоящего не только из собственной его семьи, но и из семьи его младшего брата, Джейкоба. На первый взгляд люди они простые, однако на деле, должно быть, куда искушеннее, чем кажутся: говорят, недвижимости в Иллинойсе им принадлежит немало. Доннер-старший обожает цитировать Библию, однако в библейских речениях неизменно путается. Хватит ли ему ума возглавить партию? Не знаю, не знаю, хотя, с другой стороны, все вокруг доверяют Доннеру безоговорочно, и именно благодаря его умению никого не обидеть. Самое примечательное в нем, помимо габаритов (весьма солидных) – его супруга, Тамсен. Большинство идущих с обозом мужчин в нее влюблены, однако я первым делом отметил в ней бесспорную жесткость, тесно граничащую с жестокостью. Сам не раз видел, как она доводит служанок до слез, да и с детьми, кроме собственных, держится крайне холодно. Женщин, уступающих ей в красоте, Тамсен Доннер откровенно чурается и, согласно общему мнению, балуется ведовством (однако сие, скорее всего, слух, порожденный женской завистью).

Кто тут у нас далее? Джеймс Рид, владелец крупного мебельного предприятия в Спрингфилде. Внешне – полная противоположность Доннеру: невысокий, худой, лицо узкое, щеки впалые, руки ежеминутно трет носовым платком, а я всякий раз, видя это, невольно вспоминаю о леди Макбет («Сойди, сойди, проклятое пятно![3 - У. Шекспир, «Макбет», пер. А. В. Флори.])». Натура вздорная, малоприятная, гражданином он, однако ж, выглядит образцовым – тем более что сам не упускает ни единой возможности об этом напомнить. Женат он

на женщине старше его годами, вдове с множеством детей от покойного первого мужа. По словам выходцев из Спрингфилда, их брак стал для Маргарет Рид сущим спасением. Болезненную, сухопарую, ее, положа руку на сердце, можно принять за Ридову матушку. Партия Рида более всего прочего напоминает бродячий цирк: три огромных фургона, доверху нагруженных шикарной мебелью (надо думать, собственного производства) и иными земными благами, немало слуг, включая сюда девицу, исполняющую обязанности стряпухи и прачки, и даже пони для детишек.

Ну а самого приятного из новых спрингфилдских знакомых я приберег напоследок. Чарльз Стэнтон, холост, на Запад едет один, в собственном конестогском фургоне[4 - Конестогский фургон, или «конестога», – тяжелая крытая грузовая повозка особой конструкции, изготавливавшаяся в г. Конестога, штат Пенсильвания, и поднимавшая до 8 тонн груза, главное транспортное средство Орегонской тропы.], и разительно отличается от большинства идущих с обозом холостяков – либо наемных работников, либо бродяг почти без гроша за душой, отчего мы с ним, полагаю, так быстро и подружились. Вдобавок, оба мы росли в пасторских семьях (хотя его дед, в отличие от моего отца, простого окружного священника, маститый англиканский проповедник, настолько известный, что даже я о нем слыхивал) и сохранили на память о том схожие, так сказать, шрамы. Услышав, что он читал в «Вашингтон Глоб» мои статьи насчет этого шарлатана Урии Патни из ривайвелистов[5 - Ривайвелизм – одно из направлений в протестантстве, с особым акцентом на переживании личной встречи с Богом и на близком Втором пришествии Иисуса Христа. Первоначально ривайвелисты представляли собой разрозненные группы, стихийно объединявшиеся вокруг бродячих проповедников и прочих харизматических лидеров.], я был крайне польщен.

Жизнь Стэнтон, человек скромный, мирный, прожил на удивление яркую: родился в Массачусетсе, подростком был отдан в учение к одному из вирджинских адвокатов, но вскоре сбежал от учебы «на войну» и дрался под началом генерала Сэма Хьюстона в битве при Сан-Хасинто[6 - То есть в решающем сражении войны за независимость Техаса, на стороне техасцев, против мексиканских сил.]. Отправившийся воевать за независимость Техаса, хотя с этой территорией его ничто не связывает, он – либо романтик, либо идеалист. Я бы, на него глядя, сказал: и то и другое, серединка на половинку… и это, боюсь, означает, что он обречен на несчастную жизнь. Еще он несколько раз намекал на какое-то ужасное происшествие, заставившее его покинуть Массачусетс, однако рассказывать, что там стряслось, не желает решительно. И чем будет заниматься, добравшись до Калифорнии, пока не знает – еще один

признак беспокойного духа, что гонит его с места на место.

Одним словом, обоз наш – весьма причудливая мешанина человеческих душ, и, хотя без интриг да политиканства среди поселенцев порой не обходится, завтра утром мне будет жаль расставаться с ними. Да, я окончательно решил прибегнуть к тому самому плану, о котором уже писал, и, присоединившись к небольшому отряду мужчин без семей, двинуться дальше верхом, на мулах и лошадях – так оно выйдет быстрее. Уговорить Стэнтона ехать с нами мне не удалось; подозреваю, он чувствует, что может весьма пригодиться той, большей партии, если она вдруг сделается неуправляемой. С одной стороны, от этого на сердце легче: по крайней мере, один разумный человек в обозе останется, но с другой стороны, лично мне очень хочется убраться подальше до того, как они покончат с выбором вожака.

Форт Ларами – настоящий, подлинный порубежный форт, в точности такой, как их описывают в газетах. Здесь сразу же чувствуешь себя на самом краю цивилизации: с первого взгляда ясно, что там, за глинобитными стенами форта, начинаются земли, куда почти не ступала нога белого человека, царство самой природы. Мне говорили, что только в нынешнем году этот рубеж пересекли несколько тысяч фургонов, а на будущий год число их, согласно всем ожиданиям, значительно возрастет – если, конечно, сему не помешает война с Мексикой или раздоры с индейцами. Пока что в форте налицо все признаки процветания: вдобавок к расквартированному здесь невеликому гарнизону, городок может похвастать довольно крупной факторией, кузнечной мастерской, платной конюшней и пекарней. Глинобитные стены окружают около полудюжины двухэтажных домов – вероятно, там проживают владельцы форта с семьями и прислугой.

Невзирая на то что наш обоз – один из последних в сезоне, во время нашего прибытия жизнь в форте кипела вовсю. Возле фактории разгружала вьючных лошадей горстка трапперов – грязных, нечесаных, неухоженных типов в потертой оленьей замше и шапках из шкурок енота. Рядом, визжа от смеха, носились детишки. По пыльным улицам неторопливо ехали с полдюжины индейцев верхом на фантастической масти аппалузах с пейнтхорсами[7 - Американские породы лошадей. Аппалузы отличаются необычным, узнаваемым пятнистым окрасом, а пейтнхорсы – нарядной пегой мастью, разноцветными пятнами значительно крупнее, чем у аппалуз.], а еще несколько, в платье на западный манер, по-индейски украшенном перьями и бисером, вольготно расположились на солнышке возле конюшен.

Как и следовало ожидать, среди новоприбывших немедля разнеслась весть об устроенном при фактории баре, но меня в первую голову интересовал горячий обед, так как собственная стряпня надоела невероятно. Едва устроившись за одним из обшарпанных столов в обеденном зале, перед оловянной тарелкой, доверху полной жаркого в подливе, я заметил поблизости человека, одетого в ту же пресловутую оленью замшу, будто траппер, либо живущий в диких горах следопыт-маунтинмен. Длинные волосы его побелели от седины, морщинистое лицо потемнело на солнце, точно дубленая кожа. Назвался он Лайонелом Фарнсуортом, а направлялся, в отличие от всех прочих, не на запад, а на восток. И, мало этого, в одиночку, хотя странствовать одному по столь малонаселенным землям – затея крайне рискованная. По собственным словам, он уже однажды проделал путь в Орегон, два раза добирался до Калифорнии, и дорогу туда изучил едва ли не лучше всех.

О «Маршруте Гастингса» – пути, которым вознамерился вести обоз Доннер – Фарнсуорт отозвался крайне неодобрительно. По мнению Фарнсуорта, земли в тех краях труднопреодолимы для фургонов и слишком суровы для скота. Случившийся рядом Доннер, услышав, что Фарнсуорт считает избранный им маршрут пустой тратой времени, разумеется, ничуть не обрадовался и принялся убеждать Фарнсуорта в ошибочности его умозаключений: в форте Бриджера, дескать, обоз встретит сам Гастингс, обещавший лично довести их до самой Калифорнии. Однако старик на своем стоял твердо и без околичностей сказал Доннеру, что обоз нужно вести старым путем, но все же… Увы, с тем же успехом он мог бы упрашивать чайник арию спеть.

Дальше – больше: узнав, что я тоже думаю ехать тем же путем (только без фургонов и с куда меньшей партией), Фарнсуорт начал отговаривать от этого предприятия и меня. После множества расспросов да понуканий старик сознался, что труднопроходимая местность – отнюдь не единственная, и даже не главная причина его нелюбви к тем краям. Сознался и рассказал, что в странствиях, неподалеку от озера Траки, видел еще одну группу индейцев, анаваи, но мне настоятельно посоветовал встреч с ними не искать. Когда же я объяснил, что об анаваи прежде даже не слышал, он не нашел в сем ничего удивительного, так как племя их невелико и считается одним из самых замкнутых. По словам Фарнсуорта, анаваи отличаются особой кровожадностью – а именно, во исполнение некой жуткой традиции совершают человеческие жертвоприношения, что он якобы видел собственными глазами.

Я был ошеломлен. Человеческие жертвоприношения среди равнинных племен крайне редки. Вот древние культуры юга, ацтеки и майя, действительно славились ритуальными человеческими жертвоприношениями, но, если верить всему мною читанному, к северу от Рио-Гранде подобное практически не наблюдалось. По причинам вполне очевидным я рассудил, что он просто неверно истолковал увиденное, и, разумеется, попросил описать все подробно.

И Фарнсуорт рассказал, что видел он, как около дюжины воинов анаваи увели одного из своих в лес. Уводимый отчаянно сопротивлялся, однако держали его крепко. Отойдя подальше от стойбища, воины связали его по рукам и ногам, привязали к дереву, а после оставили на произвол судьбы, как он ни кричал им вслед. Фарнсуорт счел, что индеец молит освободить его.

Несомненно, картина весьма устрашающая. Вполне понимаю, отчего Фарнсуорт был перепуган. И все-таки на ритуальное жертвоприношение это, по-моему, не походило. Во всех прочитанных мною трудах на сию тему говорилось, что избранные для жертвоприношения обыкновенно почитали сие за честь и шли на алтарь добровольно.

Фарнсуорту я сказал, что описанное куда больше походит на казнь. Вполне вероятно, воин-анаваи совершил некий проступок, за каковой и был изгнан из племени. Однако Фарнсуорт оставался непоколебим: причина-де вовсе не в этом и якобы ему известна. Убоявшись «демона, что живет возле озера Траки», анаваи решили задобрить его жертвой, чтоб демон пощадил остальных.

Более Фарнсуорт об их фольклоре не знал ничего, однако за последний год слышал немало рассказов об исчезновении индейцев из деревень невдалеке от тех мест, где жили анаваи, – о хворых, стариках, детях, похищенных ночью, во сне, или ушедших в лес за хворостом либо по ягоды, а назад не вернувшихся. Разумеется, подобные сказания бытуют почти в каждой культуре, однако рассказ старика неожиданно запал мне в душу – возможно, из-за несчастного сынишки Нюстремов, ведь его тоже похитили среди ночи.

Рассказывал Фарнсуорт весьма неохотно, опасаясь, как бы я не подумал, будто он повредился в уме. Сдался старик лишь после моих уверений, что мне требуются именно знания – именно ради них я отправился в дебри Индейской территории, дабы исследовать причудливые, незнакомые индейские мифы и сопоставить их с явлениями, наблюдаемыми в реальности. Он понимал, что от путешествия к озеру Траки меня не удержит, но умолял отговорить от того же

Доннера и остальных.

Боюсь, однако ж, что похвастать особым влиянием на Доннера я не могу, а в данном вопросе уж точно. Что до меня самого – признаться, предостережения Фарнсуорта возымели эффект прямо противоположный желаемому. С тех самых пор я думать не могу ни о чем, кроме возможности встретиться с сим самобытным племенем, да об упомянутом стариком духе – вернее, «демоне» – с озера Траки.

И, разумеется, о тебе, дорогая моя. И потому письмо на сем поспешу завершить, пока ты не пожалела о скоропалительном решении выйти замуж за этакого велеречивого старого балабола. Порой я просто диву даюсь: как только ты, женщина столь образованная, мудрая, прекрасная во всех отношениях, могла согласиться стать женой чудаковатого, упрямого дурня? Ведь, как ни люблю я тебя, как по тебе ни скучаю, как ни хочу вернуться к тебе, мне прекрасно известно: прослышав о чудище, якобы обитающем близ озера Траки, я не успокоюсь, пока не отправлюсь туда и не выясню досконально, что там такое творится. Тебе, вне всяких сомнений, весть о подобных намерениях радости не доставит, но ты же понимаешь, что эта загадка, если я не попробую ее разрешить, не даст мне покоя до конца моих дней. Так что ты, дорогая Марджи, обо мне не тревожься и знай: я твердо намерен вернуться к тебе как можно скорее.

Твой любящий муж,

Эдвин

Июль 1846 г.

Глава шестая

«Прощайте, прощайте»…

Эти слова до сих пор звенели в ушах, хотя остальной обоз, те, кто следовал в Орегон, уже который час, как укатили вдаль, оставив группу поменьше на берегу речушки Литл-Сэнди. Отъезжая, фургоны, общим числом больше сотни, подняли в воздух целую тучу густой, удушливой пыли. Мог ли Стэнтон представить себе, как им не терпится продолжить путь? Мог ли вообразить, как они рады оставить позади, в прошлом, все неудачи – особенно память о зверски зарезанном сынишке Нюстремов? Знал ли, насколько рады они расставанию со вздорной партией Доннера, как окрестили со временем группу переселяющихся в Калифорнию? С Эдвином Брайантом и небольшим отрядом из тех, кто предпочел ехать вперед, он распрощался несколькими днями раньше, еще в форте Ларами, и уже стосковался по единственному другу.

По небу, низко – подними только руку, и, ей-богу, дотянешься – неспешно плыли белые облака, пушистые, словно коробочки хлопка на стебле. Зеленое с золотом лоскутное одеяло тянущейся к горизонту равнины змейкой пересекала Литл-Сэнди – тиха, спокойна, и, верная названию[8 - Little Sandy River – дословно: Маленькая песчаная река (англ.).], совсем не широка. Трудно было представить, будто здесь может случиться хоть что-то дурное…

Весь остальной обоз готовился к пиршеству, к чему-то вроде пикника церковной общины. Идея отпраздновать последний отрезок пути, конечно же, принадлежала Доннеру. Льстил Доннер всем им безбожно, только и говорил, что мужество выбравших Маршрут Гастингса не останется без награды: им-де, неустрашимым первопроходцам, предстоит проложить в дикой глуши новый путь, их имена навеки войдут в историю… Стэнтон подозревал, что и пикник затеян ради того, чтобы отвлечь людей от сомнений в разумности принятого решения. Вдоль каравана гуляли слухи о волчьих стаях, не дающих покоя индейскому населению на территории, что лежит впереди. Правда, породил эти слухи рассказ какого-то старателя сомнительной добросовестности, однако гибель сынишки Нюстремов до сих пор оставалась загадкой, и потому известия о волках нагнали на поселенцев страху.

– Не отправиться ли нам в путь поскорей, по примеру основной части обоза? – спросил Стэнтон Доннера, услышав о пикнике.

– День субботний – день отдохновения, – покровительственно ответил Доннер. – Господь нас не оставит.

– Если поднажмем, сможем добраться до форта Бриджера не больше, чем за неделю, – возразил Стэнтон. – Не стоит полагаться на то, что дальше в пути нас ничто не задержит.

– Возницы говорят, волам передышка нужна, – вставил Уильям Эдди, бросив на Стэнтона косой взгляд.

Но Стэнтон прекрасно знал: это ложь. Накануне обоз проделал от силы шесть миль.

– Знаешь, Стэнтон, в чем твоя беда? Слишком ты боязлив, – с недоброй усмешкой добавил Льюис Кезеберг, теребя поясной ремень в паре дюймов от кобуры с револьвером.

– Ага, – со смехом поддакнул Эдди. – Как старая грымза из деревенской школы.

Прежде, сам по себе, он насмехаться над Стэнтоном и не подумал бы, но после того как Брайант покинул обоз, а Доннер назначил себя капитаном, расстановка сил здорово изменилась. Эдди и Кезеберг, оба – из шайки тех, с кем Доннер постарался завести дружбу, теперь ходили при Доннере вроде как в заместителях, а Стэнтон был не из тех, кто клюнет на вызов ищущих драки, – тем более когда шансы явно не в его пользу.

Невдалеке запела скрипка Люка Хэллорана. Мелодия казалась жалобной, будто плач ребенка в беде. Все, все шло не так: отделение от основной части обоза, новый неведомый путь, остановка для пикника, точно нынче церковный праздник, хотя вперед двигаться нужно как можно скорее…

Вдобавок, Стэнтону до сих пор не удавалось избавиться от тошнотворных воспоминаний об истерзанном, ободранном до костей теле убитого мальчика, пусть даже останки его давным-давно захоронены. От этого затея с пикником казалась еще чудовищнее, однако Стэнтон, взяв себя в руки, двинулся через лагерь. Встречи с Тамсен он ждал с ужасом, но в то же время очень хотел ее видеть: издалека она казалась прекраснее прежнего, но и внушала страх, словно остро отточенный нож… и только во тьме, приходя к нему по ночам, точно дым, пропитывающий волосы, одежду, легкие, становилась податливой, мягкой на ощупь. Две ночи тому назад он спросил: быть может, она вправду ведьма, если сумела настолько заворожить его? Но Тамсен только

расхохоталась.

Уложенные на бревна, накрытые клетчатым льняным полотном, задние борта фургонов превратились в импровизированные столы. Семейные, покопавшись в сундуках со съестными припасами, напекли пирогов и нарезали побольше ветчины. Позже одни начнут танцевать, другие усядутся рассказывать небылицы… Поразмыслив, Стэнтон принял у Левины Мерфи миску куриного жаркого (ветчина обрыдла ему до тошноты) и принялся макать в подливу лепешку.

– Едите, как будто неделю голодным ходили, – с усмешкой заметила Левина Мерфи. Вдова, из мормонов, она вела весь свой выводок – от замужних дочерей с зятьями до самых младших, детишек семи-восьми лет, – на запад, в поисках нового дома, новой жизни среди единоверцев. – А может, так оно и есть? Мужчина вы неженатый, вот стряпать для вас и некому. Не надоело ли вам, мистер Стэнтон, в холостяках ходить?

– Да вот, подходящей невесты все никак не сыскать, – ответил Стэнтон, с трудом смирив раздражение: иначе друзьями не обзавестись, а в одиночку, без поддержки, с Доннером не совладаешь.

Услышав его ответ, женщины только вновь рассмеялись.

– Что-то не верится, мистер Стэнтон! – подала голос Пегги Брин, прикрыв ладонью глаза от солнца.

За ее плечом, будто милый, пушистый утенок, во всем подражающий матери, стояла Дорис Вольфингер. Дородная, крепкая, как ломовая лошадь, Пегги родила на свет шестерых сыновей. Дорис, наоборот, едва вышла из девичьего возраста, почти не знала английского и непонимающе улыбалась всякий раз, когда кто-либо заговаривал с ней, так что Стэнтону, хочешь не хочешь, приходилось гадать, что у нее в действительности на уме.

– Сами знаете, мистер Стэнтон, что говорят о тех, кто слишком долго ходит в холостяках, – озорно блеснув глазами, продолжила Пегги Брин. – Говорят, они странно, не по-людски вести себя начинают.

– По-вашему, я – бирюк неуживчивый, миссис Брин? – откликнулся Стэнтон, притворившись обиженным до глубины души. – А я-то думал, будто со всеми приветлив.

– Я говорю, как бы вам со временем не превратиться в одного из этих старых брюзгливых холостяков. Предупреждаю на будущее, – пояснила Брин под смех остальных. – Не лучше ли с соседями ладить? Теснее дружить, а?

Тут Стэнтону показалось, что в голосе Пегги Брин зазвучали новые нотки, что это уже не просто замечание – предостережение, однако в разговор, словно бы не заметив намеков Брин, снова вмешалась Левина Мерфи.

– Вот я, – объявила она, – замужем трижды была. И всегда говорила: ну что за веселье – жить в одиночку? По жизни куда веселее идти вдвоем. Нет, мистер Стэнтон, Пегги кругом права. Жаль ведь смотреть: такой видный мужчина зря пропадает!

Вновь смех… и даже Дорис Вольфингер украдкой, застенчиво приглядывается к нему.

– Думаю, из женщин с таким, как я, мало кто уживется, – сказал Стэнтон, вроде бы в шутку… но сам-то он знал: это чистая правда. Хорошей жены он, после того, что сделал – а вернее, не смог сделать, – не заслуживал.

– А я, мистер Стэнтон, поручусь чем угодно: на свете, и даже в нашем невеликом обозе, найдутся девицы, считающие по-другому. Дайте им хоть полшанса – сами в том убедитесь, – возразила Левина Мерфи. – Вы только поменьше сидите один, а к нам приходите почаще.

Намеки, таящиеся в словах и в прищуре Левины, пристально изучавшей его из-под длинных ресниц, Стэнтону крайне не нравились. Он знал: у женщин имеется особая сила, особая власть. Довольно единственного обвинения – и все они скопом набросятся на него. Такое с ним уже случалось. Там, дома, в том, что наговорил о нем отец Лидии, не усомнился никто, пусть даже он – внук одного из известнейших проповедников Восточного побережья. С тех пор миновало более дюжины лет, однако сердце, как прежде, сжалось от страха.

– От женщин, которых мне заведомо не завоевать, я стараюсь держаться подальше.

Прекрасно понимая, как ханжески это звучит, и радуясь, что Тамсен его не слышит, он поднялся из-за стола.

– Так, может, в пути судьбу свою встретите, – сказала Левина Мерфи. – Господу милосердному угодно, чтоб люди парами жили.

– Скоро всех лучших девушек поразберут, – вторила ей одна из женщин возрастом помоложе, Сара Фосдик, только недавно вышедшая замуж сама и, очевидно, слегка под хмельком. – А вам достанется какая-нибудь старая вешалка! – со смехом пригрозила она.

– Простите мою сестру, мистер Стэнтон, – вдруг донеслось из-за спины. – По-моему, она самую малость перебрала.

Обернувшись, Стэнтон обнаружил позади девушку… как же ее? Да, Мэри Грейвс. Резкие черты лица, рост для девицы необычайно высок. Вблизи он ее раньше не видел. Глаза исключительные – серые, точно ранний рассвет…

– То есть вы – дочь Франклина Грейвса? – уточнил он, хотя прекрасно об этом знал. Конечно, он замечал ее прежде, однако она неизменно держалась с семьей, в окружении родителей или орды галдящих, требующих ее внимания ребятишек.

– Да, – отвечала она. – По крайней мере, одна из дочерей.

Трескотня женщин стихла. Оба, словно бы сами того не сознавая, неспешно двинулись прочь, к сосновой рощице на краю лагеря.

– Надеюсь, вы, мистер Стэнтон, не сочтете мой совет слишком бесцеремонным, но… не обращайте на них внимания.

Юбки ее трепетали на каждом шагу, пригибая к земле высокие степные травы. Шагала она широко, чуть вприпрыжку, отчего очень напоминала юную статную кобылку благородных кровей.

– Они вас просто поддразнивают. Замужним женщинам не нравится, когда мужчина сам по себе. По-моему, холостяки их раздражают.

– Чем же холостяки могут их раздражать?

– Наверное, это одна из неразрешимых тайн мироздания, – со смехом ответила Мэри.

– У Эдвина Брайанта – с Эдвином вы ведь знакомы? – имелась теория на этот счет. Он полагает, будто решение не жениться выглядит сродни упреку.

Мало-помалу оставшийся позади пикник превратился во что-то вроде миниатюрного цирка, в смутную рябь движения и красок, а затем от него остался лишь заунывный стон скрипки Хэллорана, доносившийся сзади с дуновением ветра, да звонкий, заливистый детский смех. Если уйти вдвоем слишком далеко, среди поселенцев наверняка пойдут слухи, но Стэнтона это не волновало ничуть – лишь бы убраться подальше от этих баб, пока не ляпнул того, о чем после будешь жалеть.

По-видимому, Мэри Грейвс возможные сплетни тоже не беспокоили.

– Упреку в адрес женщин или института брака? – спросила она, сдвинув брови.

Стэнтон задумался. Ее бойкая, непринужденная манера разговора пришлась ему по душе. Многие женщины мусолят слова во рту, точно кусок сахара, до тех пор, пока первоначальная мысль окончательно не утратит форму.

– Наверное, и того и другого.

– Некоторые женщины могли бы счесть это оскорбительным… но я так не думаю. Не всем же суждено жить в браке, – задумчиво проговорила Мэри. – Кстати, вы знаете, что Левина Мерфи выдала дочь четырнадцати лет замуж за человека, с которым была знакома всего четыре дня? В одном моя сводная сестрица права: достойных невест в обозе осталось не много.

Стэнтон покачал головой.

– То есть они говорили о вас, мисс Грейвс?

Сказано это было больше в шутку, однако девушка вмиг помрачнела, и шутка Стэнтона неожиданно для него самого исполнилась глубочайшей серьезности.

– Мой жених не так давно умер. Поэтому наша семья и едет на запад, – пояснила она.

Казалось, на лицо Мэри опустилась густая вуаль.

– Прошу прощения, – протянул Стэнтон. – Значит, оставляете дурные воспоминания позади?

– Что-то вроде. Наверное, то же самое можно сказать почти о каждом в обозе.

Говорила она по-прежнему как ни в чем не бывало, однако за безупречной маской нарочитой беззаботности скрывалось искреннее огорчение.

– Да, в этом вы правы… и все же прошу простить меня, – повторил Стэнтон, охваченный диким, против всяких приличий, желанием взять ее за руку.

– Ничего страшного. Я не слишком хорошо его знала.

Выходит, огорчена она чем-то другим?

Но, стоило Стэнтону подумать об этом, Мэри Грейвс поспешно прикрыла губы ладонью.

– Ужасную вещь я сказала, не так ли? Вечно говорю, чего не следует…

– В этом мы с вами схожи, – с улыбкой заверил ее Стэнтон. – Вот только придется вам теперь всю историю рассказать.

Девушка склонила голову, поднырнув под нижнюю ветку невысокой сосны.

– Боюсь, история не слишком-то хороша. И, правду сказать, ужасно обыкновенна. Уверена, вы ее слышали много раз: верная чувству долга, дочь согласилась на брак по расчету, пойти за богатого, чтобы отец смог расплатиться с долгами.

– Тогда вам, возможно, еще повезло, если все так обернулось, – сказал Стэнтон, но, вмиг осознав, что несет, поспешил продолжить: – Надеюсь, в мужья вам, по крайней мере, подыскали человека приятного.

– Со мной он держался довольно любезно. Все вокруг пророчили нам счастливую жизнь. Однако… кто знает?

Негромкий, мелодичный, ее голос внушал желание, чтоб она говорила, говорила, не умолкая.

– Что же случилось?

Мэри задумалась.

– Если вам не хочется рассказывать, то…

– Нет-нет, все в порядке, – заверила она, сорвав с ближайшей сосны веточку и рассеянно растирая меж пальцами хвою. В воздухе явственно повеяло сосновой смолой. – За две недели до венчания он с друзьями отправился охотиться на оленей и случайно попал под пулю. Друзья принесли его домой, однако помочь ему никто не сумел. На следующий день он скончался.

– Ужасно, – выдохнул Стэнтон.

Мэри повернулась к нему. Выражение ее лица оказалось знакомым: девушке не давало покоя чувство вины.

– А знаете, что в этой истории хуже всего? Друг, подстреливший его, был вне себя от горя. Просто с ума сходил. А я… да, смерть жениха потрясла меня, но я едва прослезилась. Хотите знать истинную правду, как на духу? Мне, мистер Стэнтон, сделалось легче. Будто камень свалился с плеч, – с горькой, кривой улыбкой призналась она. – Выходит, я – законченное чудовище, разве нет? Мне бы расстроиться, пожалеть… если не бедного Рэндольфа и его родных, то хоть

отца. Без денег, ради которых устраивался этот брак, отец разорился дотла. Пришлось нам продать все, что имели. Начинать все сызнова на том же месте, вновь добиваться уважения тех же самых людей отец в себе сил не нашел, и я исподволь натолкнула его на мысль о переезде в Калифорнию. Теперь, что бы с нами ни произошло, что бы ни ожидало моих родных в Калифорнии – богатство ли, нищета, – за все это в ответе я, и только я.

– Вы – и чудовище? Вздор. По-моему, вы – особа исключительной откровенности, – сказал Стэнтон.

Девушка снова заулыбалась.

– Возможно. А может, мне просто потребовалось хоть кому-нибудь исповедаться в совершенных грехах.

Отвернувшись от Стэнтона, Мэри Грейвс направилась дальше.

– Вы всегда так откровенны с людьми малознакомыми? – спросил Стэнтон, двинувшись следом за ней.

Лагерь остался так далеко позади, что голоса и музыка сделались почти не слышны.

– Я все еще в трауре. А когда ты в трауре, люди позволяют говорить с ними о чем заблагорассудится, вы не замечали?

На миг оглянувшись, Мэри подняла бровь. Ее профиль оказался продолговатым, четким, словно вырезанный скальпелем.

– Ну а теперь ваша очередь, – объявила она. – Ведь вы, мистер Стэнтон, не просто так до сих пор не женаты. Расскажете отчего?

Стэнтон, поравнявшись с ней, пошел рядом.

– Моя история тоже, как вы выразились, ужасно обыкновенна. И вряд ли достойна повторения.

– Я же свою рассказала. Справедливость обязывает.

Однако Стэнтон весьма сомневался, что справится не хуже ее.

– Когда-то я был влюблен…

– И вы обручились?

Стоило вспомнить о Лидии, в груди, даже спустя столько лет, начинало болеть, словно от первого глубокого вдоха на зимнем морозе.

– Ее отцу я пришелся не по душе. А еще он, как выяснилось, не мог вынести мысли о расставании с ней.

Мэри Грейвс подняла брови, округлила глаза, серые, словно затянутое тучами небо или свинцовые волны Бостонской бухты.

– Неужто ему хотелось, чтоб она старой девой осталась?

– Не знаю, какую он ей прочил судьбу, – коротко ответил Стэнтон, слишком поздно сообразив, что ступил на зыбкую почву, слишком близко придвинулся к истине. – Однако выяснить этого шансов ни у кого не осталось: она умерла в девятнадцать, совсем молодой.

Мэри приглушенно ахнула.

– Простите…

Продолжить Стэнтону не позволяла совесть. Еще в молодости он дал слово хранить тайну Лидии до самой смерти. Каким бы бессмысленным ни казалось его обещание спустя целых пятнадцать лет, да к тому же данное умершей, нарушить его он не мог: язык не поворачивался. Вдобавок он натворил много такого, о чем горько жалел, все эти годы следом за ним тянулась длинная, путаная вереница обмана, и объяснить тут что-либо человеку стороннему, не показавшись при том законченным негодяем, не стоило даже надеяться.

Казалось, сердце в груди бьется впятеро быстрее обычного.

– Одним словом, это было ужасно, – подытожил он. – Боюсь, я до сих пор не в силах об этом рассказывать.

На лице Мэри отразилась тревога.

– Я вовсе не хотела причинить вам боль, – сказала она.

Ее рука коснулась его плеча – легонько, точно пролетевшая мимо птица.

– Ничего страшного, – ответил Стэнтон, но тут он кривил душой. Воспоминания словно бы комом застряли в горле, да так, что не сделать ни вдоха.

Мэри, подступив ближе, окинула его пристальным взглядом.

– Что это? – спросила она, и в то же время ее пальцы, оставив в покое плечо, коснулись шеи, тех самых царапин, новых отметин, оставленных Тамсен. – Вы ранены? Похоже, на вас напали, и…

На этот раз ее прикосновение не принесло никакой радости: шею словно огнем обожгло. Подстегнутый болью, Стэнтон невольно оттолкнул руку девушки.

– Пустяки, – сказал он. – Не троньте, прошу вас.

Мэри поспешно шагнула назад, словно между ними внезапно возникла стена. Прежде чем Стэнтон успел хотя бы раскрыть рот, произнести хоть слово, издали звонко, отчетливо донесся зов:

– Мэри!

Развернувшись туда, откуда слышался голос, Мэри в последний раз оглянулась на Стэнтона и стрелой помчалась назад, к лагерю. Бежала она с удивительной быстротой, мелькая среди деревьев, точно луч солнца, и вскоре исчезла из виду.

Глава седьмая

Четыре бочонка муки…

Поддев крышку с отпечатками пыльных ладоней, Джеймс Рид заглянул в бочонок. Наполовину пуст. Постучав по клепкам других трех бочонков, Рид убедился, что эти еще полны. Муки, стало быть, примерно пять сотен фунтов… Под ложечкой тревожно заныло: два месяца назад они тронулись в путь, имея без малого восемьсот.

Сделав пометку на клочке бумаги, Рид заглянул в следующий бочонок. Сахар… и тоже почти наполовину опустошен. Похоже, Элиза Уильямс, девчонка, нанятая в стряпухи, многовато печет пирогов да булочек для детишек.

Покончив с проверкой припасов, Рид перекинул ногу через задний борт, спрыгнул наземь, извлек из кармана платок, отер ладони от пыли, секунду помедлил, еще раз с силой вытер руки платком. Платок он, прежде чем спрятать в карман, понюхал и лишь после этого, с трудом преодолев дрожь в пальцах, сощурился, окинул взглядом листок, сплошь испещренный цифрами. Семейные запасы съестного Джеймс Рид с тех самых пор, как обоз вышел из Спрингфилда, проверял каждые несколько дней. Провизия убывала с устрашающей быстротой, однако тревогами делу не поможешь. Тут нужно действовать.

Итак, первым делом – поговорить с Элизой. Отныне и впредь никаких добавок, никому, даже детям, а уж возницам – тем более: эти, сколько ни дай, все сожрут, не задумываясь. Далее… Рид снова окинул взглядом бумагу. Что, если он ошибся, рассчитывая, сколько провизии требуется на семью из семи человек? Нет, нет, его расчеты спутали шестеро слуг: эти мужланы не знают меры в еде, набивают брюхо удовольствия ради, и плевать им, во что это обходится нанимателю.

И все-таки Рид сознавал: его семья в лучшем, в гораздо лучшем положении, чем многие прочие поселенцы. На людях все держались, как ни в чем не бывало, но он подозревал, что в глубине души кое-кто уже начинает паниковать. Даже пополнившие запасы в форте Ларами рассчитывали на дичь, добытую по пути, однако за фортом Ларами прерия словно вымерла: вся живность, от кроликов до луговых собачек, исчезла без следа. Сезон шел к концу, и, очевидно, опередившие их обоз поселенцы извели все живое в округе под корень.

Хотя, скорее спутники рассудили, что в случае истощения припасов могут положиться на человеколюбие товарищей по партии. Что ж, явившись за подаянием к Джеймсу Фрезеру Риду, они будут крайне разочарованы. Христианское милосердие, знаете ли, небезгранично.

Накануне вечером он пробовал уломать Доннера назначить его хранителем съестных припасов всей партии… но, разумеется, его и слушать никто не пожелал. Никто не понимает, какая опасность грозит им, если провизия кончится наверху, в пути через горные перевалы, а ведь к этому все и идет. Все признаки налицо, только потрудись приглядеться.

– Чтоб ты моими припасами распоряжался? – Уильям Эдди со смехом сплюнул табачную жвачку едва ли не на Ридов башмак. – Вот уж дудки! Позволь тебе решать, что нам можно есть, да когда, да по скольку, все отощаем вроде скелетов. Вроде тебя.

На Эдди Рид даже не взглянул, но как же ему захотелось развернуть тот самый листок бумаги и сунуть Доннеру под нос!

– Сейчас у нас на двадцать пять коров мясной породы меньше, чем в день отбытия из форта Ларами, а ведь с тех пор трех недель не прошло. Если не все они съедены, значит, их кто-то крадет. Продолжим в том же духе – до Калифорнии двух дюжин голов не доведем.

Забавы да сумасбродства – вот и все, чего хочется этому дурачью. Взять хоть громадную (не фургон – баржа!) повозку Доннера, битком набитую пуховыми перинами и прочей ненужной в дороге роскошью… А батраки, каждый вечер усаживающиеся к костру, резаться в карты, проигрывающие жалованье еще до того, как оно заработано? А пляски под скрипку Люка Хэллорана вокруг жарящихся на вертелах туш? А этот «пикник» – он-то понадобился для чего? Чтоб Джорджу Доннеру представился удобный случай взобраться на пень и, сказав речь, убедить поселенцев выбрать его в капитаны? Одно это обошлось в две коровы, забитых на мясо, дабы все убедились: тревожиться не о чем, вон сколько в обозе пищи, каждому хватит с избытком!

Вдобавок Рид полагал, что праздник должен был занять умы поселенцев чем-нибудь новеньким: в обозе шептались, будто Тамсен Доннер замечена расхаживающей по ночам там, где ей ошиваться вовсе не след. Кроме того, кое-

кто из женщин считал ее ведьмой, умеющей исчезать и появляться где-нибудь в другом месте, летать по ветру, точно пух одуванчика, очаровать любого мужчину, всего лишь дохнув на него… В этакий вздор Рид, конечно, не верил, но понимал: Тамсен изменяет мужу, выставляет Джорджа на посмешище как раз в то время, когда ему необходима поддержка и уважение спутников.

Рид выпрямился, расправил плечи, разминая изрядно ноющую спину: как ни крути, ревизия припасов под невысоким навесом, в тесноте фургона, среди множества бочек и джутовых мешков, наполненных фасолью и отрубями, да хогсхедов[9 - Хогсхед – большая бочка емкостью 60 галлонов (около 230 л).] с уксусом и патокой, дело нелегкое. И тут мимо, размахивая в воздухе шляпой, привстав в седле, проскакал Доннер.

– Запрягай! – побагровев от натуги, орал он. – Запрягай! В дорогу пора!

Как же Рид ненавидел его зычный голос…

Однако, едва раскрыв рот для ответа, он увидел двоих сыновей Брина, выползающих на четвереньках из-под соседнего фургона. Оба были бледны, на ногах не держались, стонали, будто нещадно избитые.

Сердце в груди так и сжалось. Риду немедля вспомнился мальчишка, убитый месяц назад: бледное, без кровинки, неподвижное, словно во сне, лицо, жутко истерзанное тело… Что это с сыновьями Брина? Уж не захворали ли?

Внезапно сначала один, а затем и другой, перегнувшись едва ли не пополам, склонили головы книзу и принялись неудержимо блевать. Ударившую в ноздри вонь – медицинскую, нестерпимую вонь – Рид узнал безошибочно.

– Эй, вы! – подойдя к ним, пока не успели удрать, заговорил он. – Напились, стало быть? Отпираться не вздумайте: я все чую.

Мальчишки, оба не старше десяти, упрямо насупились.

– Не ваше дело, – огрызнулся один.

Блевотина пополам с перегаром… Воняло так омерзительно, что Риду отчаянно захотелось зажать ноздри платком. Вряд ли мальчишки получили выпивку от отца: Патрик Брин за такое с них бы всю шкуру спустил.

– Напились, стало быть, а виски украли, так? У кого? Выкладывайте да не врите.

В глазах мальчишек сверкнула злость.

– Еще чего, – откликнулся тот, что тщедушнее и грязнее.

Как ни велик был соблазн влепить обоим по оплеухе, пришлось сдержаться: вокруг начала собираться толпа зевак.

– Чего вы к детишкам пристали? – покачав головой, спросил Милт Эллиот, возница Доннеров.

– Не твоя забота, – отрезал Рид.

– Вы им вроде как не папаша, – поддержал Эллиота еще один из батраков Доннера, Сэмюэл Шумейкер.

– Папаша их, весьма вероятно, сам носом в канаве лежит, – не сдержавшись, прорычал Рид и тут же проклял свой острый язык.

При мысли о том, как примут его резкость зеваки, в большинстве сами мучающиеся с похмелья, проплясавши полночи, тревожно заныли, зазудели ладони. Казалось, грязь оседает в ушах, в ноздрях, под ногтями. Вымыться бы поскорей…

– Послушайте, я просто пытаюсь узнать, где мальчишки раздобыли виски.

Эллиот приподнял бровь.

– Хотите сказать, это мы виноваты, что мальцы набрались?

– Нет. Я просто говорю, что за всеми припасами лучше нужно следить, – покачав головой, объяснил Рид. Хочешь не хочешь, а нужно попробовать снова. – К примеру, спиртное под замок запереть…

Тут к нему сквозь толпу протолкался Льюис Кезеберг, рослый, угловатый, вечно нависающий над собеседником, словно зловещее пугало. Что ж, следовало ожидать: Кезеберг ссоры искал постоянно.

– Значит, тебе хотелось бы выпивку от нас спрятать? Дай тебе волю, ты бы небось, всю ее, до капельки, вылил в Литл-Сэнди, пока никто не видит? – зарычал он, чувствительно ткнув Рида в грудь. – Да если ты хоть пальцем хоть до одной из моих бутылок дотронешься, богом клянусь, я тебя…

Верхняя губа Рида покрылась бисером пота. Оглядевшись вокруг, ни жены, ни детей Кезеберга он рядом не обнаружил. Похоже, все человеческое в себе Кезеберг держит под надежным замком, напоминаниями о семье и благопристойности его не проймешь. Однако спустить Кезебергу прилюдное хамство Рид не мог, иначе прослывет трусом. С другой стороны, Кезеберг славился исключительной злопамятностью. За покер с ним давно уж никто не садился, так как он никогда не забывал, кто мухлюет, кто любит блефовать, а кто не меняет карт при любом раскладе. И при том, помня, какие карты в колоде уже разыграны, подсчитывал, на что может рассчитывать после сброса. Памятью он обладал острой, как бритва. А еще был на полфута выше ростом и фунтов на тридцать тяжелей.

И придвинулся так близко, что Рид не сомневался: Кезеберг вот-вот заметит в нем неладное.

Риду нередко казалось, будто его тайна – таящийся в нем порок – столь основательна, что ее можно увидеть или учуять, подобравшись поближе. Подобно мелкой, всепроникающей дорожной пыли, от которой никак не избавиться, следы его грехов покрывали лицо и ладони, проступали наружу из-под одежды, как их ни оттирай.

Рука невольно скользнула в карман, за платком.

– Уберите руки, – всем сердцем надеясь, что голос не дрогнет, не подведет, потребовал Рид. – Иначе…

Но Кезеберг только придвинулся к нему еще ближе.

– Иначе что?

«Остра, как бритва…»

Прежде, чем Рид нашелся с ответом, Кезеберга заслонила широченная спина втиснувшегося между спорщиками Джона Снайдера, наемного возницы Франклина Грейвса. Пожалуй, с этим любой разумный человек предпочтет не связываться.

Снайдер грозно сощурился, однако в его усмешке чувствовалось озорство.

– Что тут стряслось? Опять наш малыш всеми командует?

С некоторых пор Снайдер повадился звать Рида «малышом», напоминая, что он-то может хамить Риду, сколько захочет.

– Я думал, тебе еще вчера втолковали, что ты здесь никому не указ.

С этим Снайдер повернулся к нему, и Риду почудилось, что во взгляде здоровяка мелькнула искорка осведомленности. Джеймс Рид похолодел. Не заметил ли взгляда Снайдера еще кто-нибудь?

Но нет, никто ничего не заметил. Никто ничего не понял. Всех их по-прежнему волновало только одно.

– Это точно. Капитан здесь Джордж Доннер, не ты, – сказал Кезеберг.

– Да я же только о здравом смысле говорю, – не уступал Рид. В таком важном деле уступать было нельзя. Страх страхом, однако он все же попробует достучаться до них еще раз. – Форт Ларами – последнее поселение по пути в Калифорнию. Дальше нет ничего – ни факторий, ни лавок, ни хлебных складов, ни поселенцев, готовых продать хоть мешок кукурузной муки. У кого бы эти мальчишки, – Рид указал пальцем на злоумышленников, до сих пор валявшихся навзничь в пыли, – ни стащили виски, он уже через пару недель пути пожалеет

о собственной беспечности, обнаружив, что от запасов не осталось ни капли.

Зеваки притихли, и Рид мысленно поздравил себя хоть с небольшой, но победой.

– Друзья, – продолжал он, – по всем свидетельствам, дальше нас ждет самая трудная часть пути. В форте Ларами я разговаривал с ходившими этим маршрутом. Все в один голос утверждали: путь впереди страшнее всего, что мы себе представляем. Потому я и призываю вас, пока не поздно, принять кое-какие нелегкие решения.

Никто не проронил ни слова. Все в нетерпении ждали, что скажет он. Даже Снайдер не сводил с него глаз, отливающих золотом в лучах солнца.

– Многие из нас обременены пожитками, тащат из дома то, с чем будто бы не в силах расстаться. Я призываю вас: выбросьте все это без промедления. Оставьте здесь, на лугу, иначе в горах там, впереди, своих же волов погубите.

Собравшиеся молчали, и Рид слишком поздно понял, что хватил через край, пусть даже все вокруг сознают (не могут не сознавать) его правоту. Сколько миль уже пройдено мимо вещей, брошенных прочими поселенцами возле тропы! Мебель, сундуки с платьем, детские игрушки, даже пианино, стоявшее в чистом поле, словно бы дожидаясь, когда же кто-нибудь подойдет к нему и сыграет хоть какой-нибудь пустячок. На глазах Рида юная немка, Дорис Вольфингер, с тоской пробежалась пальцами по твердым белым клавишам, и при виде этой картины у него отчего-то защемило в груди.

Но к этой истине, как и ко многим другим, прислушаться никто не пожелал.

– Кто бы говорил, – усмехнулся Кезеберг. – Ты на свой особый фургон погляди. Паре волов не под силу – две пары нужны, и это на ровном месте!

– Сам-то наверняка собственным поучениям не последуешь, а? – небрежно, вычищая грязь из-под ногтей и даже не глядя на Рида, поддержал его Снайдер. – Нечего тут лицемерам всяким нас жизни учить.

Тут Риду само собой бросилось в глаза, как огромны, сильны руки Снайдера. Что, если вот эти ручищи сомкнутся на его горле?

Прежде чем Рид успел хоть что-то ответить, сквозь толпу к нему, ведя под уздцы лошадь, протолкался Джордж Доннер.

– Соседи, время идет, дневной свет зря сгорает! За дело, за дело! Запрягаем – и в путь! Четверть часа – и чтобы фургоны тронулись!

Толпа вмиг поредела. Доннер вскочил в седло.

«Самодовольства-то сколько», – подумал Рид. Пожалуй, вмешательству Доннера следовало бы только радоваться, однако в эту минуту – пусть даже мрачные мысли о Джоне Снайдере, о его мощной челюсти, о жутких могучих ручищах, начали отступать – он не чувствовал ничего, кроме жгучей обиды. Когда собравшиеся разошлись, Рид заметил невдалеке жену, Маргарет, закутанную в вязаную шаль. Ветер играл длинной бахромой из разноцветных шнурков. Не ожидавший ее появления, Рид поразился: да ведь на вид она совсем старуха!

Маргарет отвернулась, но не так быстро, чтоб Рид не успел разглядеть выражение ее лица. Жалость… а может быть, отвращение?

Поспешив следом, Джеймс Рид придержал жену за локоть.

– В чем дело, Маргарет? Ты что-то хочешь сказать?

Жена лишь отрицательно покачала головой и потащилась дальше, к их костру, медленно, будто терзаемая нестерпимой болью. Похоже, страдала она (если такое возможно) еще сильнее, чем дома, в Спрингфилде. Возможно, со здоровьем у Маргарет действительно стало хуже, однако Рид был твердо уверен: «страдает» она напоказ, притворяется, чтоб он почувствовал за собою вину.

– Выкладывай, Маргарет. Облегчи душу, расскажи, что покоя тебе не дает. Чем я тебя настолько расстроил?

Маргарет задрожала, и тут ему сделалось ясно, каких усилий ей стоит сдерживать чувства… а именно – злость. Эх… какой же она была, когда они поженились! Вдова, искушенная в брачной жизни, понимающая, в чем состоит роль мужа, а в чем – роль жены, знающая, где пролегает граница их сфер

ответственности… Поразившая Рида достоинством, исполнительностью и аккуратностью, Маргарет неизменно оставляла все решения в семейной жизни на его усмотрение, неизменно поддерживала его на глазах у детей, и у слуг, и у соседей.

– Не понимаю я тебя, Джеймс. Отчего ты во все эти споры с соседями ввязываешься?

– Я не стремлюсь ни к каким спорам. Эти мальчишки выползли из-под фургона и едва не заблевали мне башмаки, а…

– Зачем ты все это делаешь? – раздраженно оборвала его Маргарет. – Зачем ведешь себя, будто ты лучше всех, зачем превосходством перед людьми козыряешь? И меня превращаешь в посмешище для… – Осекшись, она зажмурилась что было сил. – Хоть убей, не пойму. Чего ради ты настоял на отъезде из Спрингфилда, продал прибыльный бизнес и прекрасный дом?

Тут Маргарет снова умолкла и шумно перевела дух. Казалось, она тонет – вот-вот захлебнется на сухом месте.

– Знай я обо всем заранее, Джеймс, трижды подумала бы, стоит ли за тебя выходить…

– Не говори так, Маргарет, – машинально сказал Рид.

Однако жена даже взгляда не подняла от земли. Насчет их союза ни он, ни она не питали никаких иллюзий: брак их был заключен не по любви. Обычный брак по уговору, куда больше похожий на отношения брата с сестрой… но многие ли могут похвастать чем-то иным?

– А о детях что скажешь? Ты хоть разок подумал, каково им придется, увозя их от друзей, от соседей, от всех знакомых? Делая предложение, ты обещал нам заботу.

– Обещал, и слово держу. Ради этого все и затеяно.

Обнаружив, что вновь, сам того не замечая, оттирает руки платком, Рид сунул платок в карман.

Сказать откровенно, правда была вовсе не так проста.

Сказать откровенно, он вправду не сделал всего возможного, чтобы обезопасить жену и детей. Он совершил ряд ошибок.

В частности эту.

Однажды жена, неожиданно заглянув на склад, повидать Рида, столкнулась с Эдвардом Макги. Вначале Риду подумалось, будто она, услышав кое-какие сплетни, явилась в центр города, чтоб убедиться во всем самой. Однако с Ридом Маргарет ни разу об этом не заговаривала, ни разу не намекнула на какие-либо подозрения, а Эдварду даже пожала руку. Странную, слегка насмешливую улыбку на губах Эдварда во время того рукопожатия Рид во всех подробностях помнил по сей день.

Но с этим было покончено. Прошлое следовало оставить позади. Вместе со страхами и чувством вины. Вместе с мыслями о лапищах этого возчика, Снайдера, сомкнутых на его горле либо запястьях. Главное – постараться. Главное – не раскисать. Вот только… как это ни неразумно, как это ни невероятно, в глубине души Рид верил: сынишка Нюстремов погиб из-за его греха. Из-за его греха, привлекшего к обозу внимание дьявола.

Но нет. Терять головы нельзя. Как только они окажутся в Калифорнии, вся жизнь их пойдет иначе.

Сощурившись, Рид взглянул в небо. Солнце поднялось еще чуточку выше. Скоро обоз снова двинется в путь.

Вытащив из кармана листок с результатами ревизии, он принялся пересчитывать все заново, но, сколько бы ни считал, результат оставался прежним. Провизии на дорогу не хватит.

И этого так оставлять нельзя.

Глава восьмая

ИНДЕЙСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Дорогой Чарльз!

Пишу это письмо, заплутав в дикой глуши за фортом Бриджера. Возможно, в горах Уосатч? Не могу сказать, не уверен… и даже не знаю, получишь ли ты когда-либо мою весточку. После мытарств, пережитых в течение первой пары недель, мне ясно одно: я должен, обязан записать все, что узнал и увидел. Но если это письмо найдет тебя, Чарльз, даже не думай отправиться следом за мной. Все, что я затеял, делается в интересах науки и истины.

Перед самым отъездом из форта Ларами я нанял проводника, семнадцатилетнего парнишку-пайюта по имени Томас. Обращенный в истинную веру миссионерами (от которых и получил христианское имя) шесть лет назад, он с тех самых пор жил среди белых. Он рассказал, что знаком с уашо, живущими возле озера Траки, которых я и ищу, и даже может общаться с ними, поскольку воспитавшие его миссионеры приютили сироту из этого племени. Об анаваи он тоже слыхал, хотя о них рассказывал неохотно.

Можешь вообразить себе, как я был рад заручиться услугами проводника, знающего и нужную местность, и нужное племя, и даже говорящего на их языке! Не прошло и пяти дней после отбытия из форта Ларами, как Томас с честью прошел первое испытание: в дороге наш небольшой отряд столкнулся с охотничьей партией пайютов. Держались индейские охотники вполне дружелюбно и в тот же вечер разделили с нами ужин у походного костра. И, мало этого, рассказали кое-что в ответ на расспросы об анаваи. Сказать откровенно, мой интерес привел их в немалое возбуждение. Пайюты в один голос принялись отговаривать меня от поисков встреч с анаваи: дескать, затея эта крайне опасна.

Насколько я мог судить по пересказам Томаса, анаваи отреклись от традиционных богов и ныне поклоняются духу волка, обитающему в долине, где живут они сами. Еще пайюты утверждали, будто анаваи порой внезапно впадают в ярость и тогда их кровожадность не знает границ, приписывали сему

племени всевозможные злодеяния, но с этого момента я утратил нить объяснений, далеко превзошедших предел лингвистических способностей Томаса.

Так или иначе, все эти странные сведения на удивление точно совпадали с историей Фарнсуорта о человеческих жертвоприношениях, и сей факт лишь укрепил мою решимость продолжить поиски. Разумеется, спутники меня в этом не поддержали, хотя парней этих ты знаешь: Ньюэлл, Андерсон, братья Мэннинг – ребята здоровые, сильные, и в трусости их вовсе не упрекнуть. Мне удалось уломать их ехать со мною дальше до форта Бриджера, напомнив, что наш обоз будет там проходить и ничто не помешает им присоединиться к вам снова.

После того как я успокоил спутников, Томас отвел меня в сторону. С первого взгляда было ясно: он тоже изрядно напуган. И вправду, парнишка сказал, что хочет вернуться назад. Пришлось напомнить, что я плачу ему за услуги, а уговор наш гласит: «все или ничего», и если он хочет получить от меня хоть пенни, то должен остаться со мной до конца. Томас, как ты наверняка догадался сам, ничуть этому не обрадовался и попросил, раз уж дело так повернулось, дать ему ружье. Однако держался он столь боязливо, что я отказал – из опасений, как бы он с перепугу не подстрелил кого не след (к примеру, меня самого). Вдобавок, я, признаться честно, слышал такую уйму рассказов о краснокожих проводниках, ополчившихся на нанимателей, что… одним словом, Томас, конечно, казался парнишкой вполне порядочным, но ружья ему я почел за лучшее не доверять. Просто напомнил, что вокруг полно вооруженных людей, и о его безопасности мы позаботимся, однако успокоиться он не мог до самого форта Бриджера.

Форт Бриджера… Сроду я еще не был так рад прибытию в заштатную, на глазах приходящую в упадок дыру вроде этого городишки! Вскоре ты сам убедишься: на форт Ларами он ничуть не похож. Джим Бриджер, один из владельцев форта, откровенно признался, что их благосостояние изрядно подорвано популярностью Маршрута Гринвуда, открытого в позапрошлом году. Из-за него обозы, направляющиеся в Орегон, сюда больше не заезжают.

Форпост цивилизации превратился в город-призрак.

Насколько отчаянно их положение, я узнал следующим же вечером, в кабинете Бриджера, за бутылкой дрянного виски. В минуту пьяной откровенности он рассказал нам о шестилетней давности инциденте, о партии золотоискателей,

заблудившихся по пути через те самые места, ныне известные как Маршрут Гастингса. Одни говорили, что они перемерли с голоду, другие – будто их перерезали непредсказуемые анаваи, и Бриджер, познакомившийся со старателями, когда те проходили через форт, организовал их поиски. Впрочем, дело с самого начала выглядело безнадежным: территория огромна, а ресурсы спасателей были весьма скудны. Однако едва они собрались сдаться, один из пропавших золотоискателей вышел прямо к лагерю спасательной партии. К несчастью, живший все это время в глуши, словно зверь, бедняга повредился умом и не сумел рассказать кому-либо, что стряслось с остальными.

Рассказ этот, странным образом перекликавшийся с историей Льюиса Кезеберга о его собственном дядюшке, бесследно сгинувшем в тех же местах многие годы назад, изрядно меня насторожил.

Как бы там ни было, мнение о Бриджере у меня складывалось хуже некуда. Цены у него возмутительно высоки, а качество припасов скверно (мука в катышках, солонина с душком, выпивка безбожно разбавлена). Гарнизон уж сколько месяцев, как перевели в куда более оживленный Форт Холл, и Бриджер с партнером, Луисом Васкесом, остались одни. По-моему, оба в отчаянии.

Под впечатлением от встречи с охотничьей партией пайютов и от рассказов Бриджера, на следующее утро, взяв с собой только Томаса, я двинулся дальше. Признаться, на сердце кошки скребли. Вскоре нам стало ясно: маршрут из рук вон плох. По словам Бриджера, Лэнсфорд Гастингс в форте действительно был, но уехал сопровождать идущий его маршрутом обоз. Опережали они нас примерно на неделю, и потому мы пробовали держаться их следа, однако путь вел сквозь леса с весьма густым подлеском. Время от времени мы натыкались на старые индейские тропы, но всякий раз обнаруживали, что тропа завершается тупиком, упираясь в каньон либо крутой обрыв. Проехать здесь и верхом трудновато, а уж с фургонами – практически невозможно. Ты должен, ты просто обязан отговорить попутчиков следовать этим маршрутом. Здесь вас ждут только неодолимые трудности и гибель.

Потратив целую неделю, мы с Томасом сумели преодолеть горы. Следы обоза, сопровождаемого Гастингсом, мы потеряли и ни минуты не знали покоя, надеясь отыскать хоть какой-нибудь знак, услышать человеческий голос – что угодно, только бы убедиться: рядом есть еще кто-то. Однако чем дальше мы углублялись в лес, тем острее чувствовали одиночество. Вдобавок, как это ни парадоксально, меня не оставляло странное, невероятной силы ощущение,

будто за нами следят.

Томас к этому времени сделался пугливее зайца, и я начал всерьез беспокоиться о здравии его рассудка. Прошлым вечером, у костра, поддавшись на мои уговоры, парнишка признался, что, переводя рассказы пайютов, кое о чем умолчал. Да, это правда, пайюты советовали держаться подальше от племени анаваи с озера Траки, однако их кровожадность имеет причины. Чужаков анаваи похищают, чтоб приносить их в жертву тому самому духу волка.

Так вот, Томас очень жалел, что не рассказал об этом раньше: дескать, боялся, как бы мне не втемяшилось в голову убедиться во всем самому – ведь тогда нас обоих ждет смерть в руках анаваи. Меня он явно счел умалишенным и на разумные доводы не полагался. Напуган Томас был так, что мне сделалось совестно: ведь это я поставил его в подобное положение, а между тем он – всего лишь семнадцатилетний парнишка, опасающийся за свою жизнь.

Едва я собрался достать кошелек, расплатиться с Томасом и отпустить его восвояси, из зарослей донесся треск. Оба мы вскинулись, развернулись, точно ужаленные, я потянулся к ружью, а Томас выхватил из костра горящую ветку.

Кусты затрещали со всех сторон. Томас поднял ветку над головой, будто факел. Прямо перед нами треснуло так, будто кто-то изрядно грузный, наступив на упавший сук, переломил его надвое. Вскинув ружье, я направил дуло на звук.

– Покажись! – крикнул я в непроглядную тьму.

Топот. Кто-то, сорвавшись с места, бросился к нам. Я собрался было выстрелить, но в тот же миг Томас со всех ног бросился в лес. Мальчишка был безоружен (в панике он выронил наземь даже горящую ветку), и мне пришлось бежать следом, чтоб уберечь его от возможной беды. В погоне за Томасом, ломившимся сквозь кусты без оглядки, я слышал, как кто-то неотвязно следует за мною сзади. Еще пара минут, и Томас исчез в черной как смоль темноте, но топот и треск позади сделались громче, приблизились, и наконец подстегнутый инстинктом самосохранения, я обернулся и выстрелил в невидимого преследователя наугад. Вспышка выстрела осветила нечто живое среди деревьев. Я выстрелил снова. На сей раз из зарослей донесся жалобный вой – определенно, звериный, и я (глаза мои к темноте уже попривыкли) сумел разглядеть невдалеке отблески желтых глаз и клыков, однако, кто б это ни был,

из виду он тут же исчез. Тогда я весь обратился в слух – не обходят ли меня кругом, чтоб напасть сбоку, но и все звуки вокруг разом стихли.

И звери, и Томас пропали бесследно. К костру мой проводник в ту ночь не вернулся. Что с ним случилось, так и осталось для меня загадкой.

Упрямство мое тебе, Чарльз, прекрасно известно, и посему ты наверняка нисколько не удивишься, узнав, что я продолжаю путь к озеру Траки. Слишком далеко я зашел, чтоб повернуть назад. Возможно, ты сочтешь мою затею безрассудной, смертельно опасной, и, разумеется, будешь прав. Однако в похожих положениях мне бывать уже доводилось, но я, как видишь, до сих пор жив и здоров. Отправляюсь на поиски Томаса, а также на поиски истины.

Благослови тебя Бог, и удачи в пути.

Твой друг,

Эдвин

Глава девятая

Одним из самых засушливых, самых жарких дней лета обоз наконец одолел Южный перевал и пересек границу северных окрестностей форта Бриджера. Здешние земли оказались куда суровее, чем ожидалось. Зеленые пастбища резко сменились бурыми гарями, трава стала ломкой, земля превратилась в пыль, а Биг-Сэнди высохла до ширины ручейка. Волы и коровы обнюхивали редкие травы без всякого интереса. Оставалось одно: пройти эти места поскорее и надеяться, что впереди вскоре отыщутся лучшие пастбища, так как в подобных условиях обозу долго не протянуть. Однако плоская, точно стол, равнина, простершаяся впереди, казалась бескрайней – казалось, истерзанная солнцем земля тянется вдаль на многие сотни миль.

Стэнтон невольно напрягся. Пот заливал глаза, струйкой стекал по спине. От усталости в голове гудело, будто у него жар. Последние пару ночей он

вызывался караулить скотину, чтобы наверняка не оказаться в палатке, если к нему явится Тамсен. Выход, конечно, временный – ведь рано или, поздно, а столкновения с нею не избежать, да еще днем после бессонных ночей ничего не соображаешь… однако ее соблазны и перспективы ее немилости казались куда страшнее.

Он до сих пор не пришел в себя после трехдневной давности разговора, когда Доннер поведал, что ему известно о шашнях, заведенных Тамсен с кем-то на стороне… причем не в первый уж раз. Тамсен – баба ненадежная, признался он, вот кое-какие ее прошлые «шалости» и послужили одной из причин для отъезда на запад. Последний ее роман чудом не всплыл на поверхность, а подобный скандал превратил бы в посмешище для всего города и Доннера, и Тамсен. К тому времени, как оба двинулись «по домам», Доннер наклюкался настолько, что был вынужден опереться на Стэнтона, и клялся убить любого, к кому бы Тамсен ни бегала. Ярость, с которой Доннер защищал жену, несмотря ни на что, оказалась для Стэнтона полной неожиданностью. Правда, обычно человеком он казался довольно безобидным, но в эту минуту Стэнтон не сомневался: да, на сей раз Доннер как сказал, так и сделает.

Потому и выстоял в карауле две ночи кряду, хотя в течение долгого, знойного, пыльного дня глаза едва мог разлепить.

Впервые увидев форт Бриджера, он решил, что это мираж. Крыши нескольких бревенчатых домиков, ветхие – дунь, и рухнут… Пока обоз не приблизился к самому форту, Стэнтон даже не сознавал, с каким нетерпением ждал приезда сюда, надеясь хоть здесь ненадолго отвлечься от тягостных мыслей, и в эту минуту здорово удивился глубине собственного разочарования. Поселение вполне могло показаться заброшенным.

Тревога росла, крепла, ветром неслась над вереницей фургонов.

– Не может быть, – толковали меж собой поселенцы. – Какой же это форт Бриджера? Где же бревенчатый частокол, где прочные ворота, где пушки?

В отдалении робко жались друг к дружке немногочисленные сарайчики да флигельки. Двое индейцев, коловших дрова посреди пыльного дворика, подняли головы, окинули взглядами катящий мимо обоз и тут же вернулись к работе.

Джим Бриджер, владелец, обнаружился в одном из обветшавших бревенчатых домиков. Внутри оказалось сумрачно, дымно – хоть топор вешай. Избушка была приземиста, длинна, с отдушинами вместо окон, хотя сквозь щели между бревнами изрядно дуло и без того. Утоптанные земляные полы там и сям устилали облезлые шкуры. В углу, сгорбившись над корзинами, словно не замечая дыма из очага, сидели две индианки. У ног их, ради забавы ковыряя пол пальцем, копошился ребенок.

О скверном характере Бриджера Стэнтон слышал немало: в форте Ларами все сходились на том, что многие годы, прожитые в дикой глуши, в одиночестве, сделали его человеком крайне вспыльчивым и своенравным. Около десяти лет бродил он по здешним краям, вел жизнь охотника и следопыта, а затем, на паях с непоседливым мексиканцем, Луисом Васкесом, выстроил этот форт. «Недоверчив сверх всякой меры, сам себе суд и закон», – так отзывался о нем один человек из форта Ларами.

Пожалуй, когда-то Бриджер был очень силен, даже грозен, но с годами усох, осунулся, съежился – казалось, жизнь высосала его, точно паук муху. Одеждой хозяину форта служили засаленные, рваные штаны и куртка оленьей замши, длинные жидкие волосы здорово поседели. Стоило ему поднять взгляд, глаза его блеснули так странно, что ошибки тут быть не могло: Джим Бриджер давно не в своем уме.

Доннер в сравнении с Бриджером был так высок, что, протянув хозяину руку, едва не угодил ему в нос.

– Мне нужно видеть владельца этого предприятия, – уверенно, веско сказал он, но Стэнтон-то знал: вся его уверенность – сплошное притворство.

– Он перед вами, – откликнулся Бриджер, снова уткнувшись в бумаги.

Рядом с ним, за прилавком, стоял невысокий человек возрастом помоложе – кожа цвета карамели, вокруг пояса повязан грязный передник. Очевидно, оба затеяли очередную ревизию.

– Мы остановимся здесь на пару дней, чтобы дать отдых лошадям и волам, – сообщил Доннер после того, как все представились друг другу.

– Прекрасно. Если в чем нуждаетесь, дайте знать. Выбор припасов у нас богатый, – сказал Васкес, утирая ладони передником сплошь в рыжевато-бурых кляксах, будто в нем разделывали коровьи туши. – В какую сторону дальше направитесь? На север или на запад?

Этот вопрос явно интересовал обоих хозяев прежде всего.

– На запад, конечно же, – ответил Доннер. – А прибыли мы для встречи с Лэнсфордом Гастингсом. Он обещал ждать здесь и указать поселенцам новый маршрут.

Тут Бриджер с Васкесом переглянулись, однако значение их взглядов для Стэнтона осталось загадкой.

– Да, Гастингс здесь был, но уехал, – сказал Васкес. – Двинулся дальше с обозом, пришедшим две недели назад.

– Две недели назад?! – переспросил Доннер. – Но ведь он обещал ждать!

Стэнтон с трудом подавил желание напомнить Доннеру, что его предупреждали, и не однажды. Именно Доннер убедил партию идти в Калифорнию Маршрутом Гастингса, именно он утверждал, будто Гастингс их непременно дождется. Теперь все увидят, что ввязались в рискованную игру… и, вполне может быть, проиграли.

– Да вы не волнуйтесь, – сощурившись (что, надо думать, означало улыбку) заговорил Бриджер. – Гастингс оставил инструкции. Велел передать: пусть приходящие обозы едут по их следам. Тропу они обозначат, так что не промахнетесь.

Доннер нахмурил брови.

– А вы об этом маршруте какого мнения? Удобен он или как? У нас в обозе девяносто человек, по большей части женщины и дети.

К чему эти вопросы, Стэнтон не понимал. От популярности нового маршрута зависело благосостояние Форт-Бриджера. Да, он надеялся, что христианская

добропорядочность удержит этих людей от откровенного вранья, однако уже не раз жестоко разочаровывался в христианских добродетелях. Немногие христиане ценят жизнь незнакомцев превыше выгоды.

Бриджер с Васкесом призадумались.

– Ну, как вам сказать… маршрут все-таки совсем новый, – наконец ответил Васкес.

– Верно, новый, – куда бодрее партнера подхватил Бриджер, – однако Гастингс от него без ума. Он сам проделал этот путь на пару с Биллом Клайменом – слышали о таком? Старина Билл Клаймен – пожалуй, самый известный следопыт в наших краях, и он этот маршрут одобрил.

Лицо Доннера озарилось идиотской улыбкой. Несомненно, заверения Бриджера он перескажет всему обозу, не упустив никого.

– Что ж, лично мне этого довольно.

– И вот еще что: я сам сяду в седло и провожу вас до начала тропы, – посулил Бриджер. – Но прежде вам надо бы несколько дней отдохнуть: пускай скотина подкормится как следует и наберется сил. Фураж имеется – и овес есть, и кукурузы малость. Между нами и фортом Джона Саттера в Калифорнии ничего больше нет. Тут ваш последний шанс скот откормить, прежде чем горы начнутся.

– И мы, сэр, не преминем им воспользоваться, будьте уверены.

Одарив каждого лучезарной улыбкой, Доннер удалился, но Стэнтон предоставил ему идти одному и повернулся к Васкесу.

– Нет ли у вас для меня письма от Эдвина Брайанта? Он должен был проезжать здесь около недели назад.

Казалось, в темных глазах Васкеса вспыхнула искорка, однако он промолчал.

– Как-как? От кого? – переспросил Бриджер.

– От Эдвина Брайанта. Несколько старше меня, очки носит почти постоянно. Газетчик.

Бриджер покачал головой.

– Нет, такого я среди проезжавших не помню. Да и писем для вас никто тут не оставлял.

На миг Стэнтона охватил ужас.

– Он ехал на запад тем же путем, что и мы, слегка впереди.

Но Бриджер молчал.

– И собирался остановиться здесь, – продолжил Стэнтон. – Я слышал это от него самого.

Что могло задержать Брайанта? Ранен, убит, умирает? Об этом не хотелось даже думать.

– Нет, нет, вы правы, – проговорил Васкес. – Был здесь такой, теперь припоминаю.

Услышав, что Брайант все-таки проезжал через форт, Стэнтон вздохнул с облегчением… вот только в поведении Бриджера с Васкесом чувствовалась какая-то фальшь.

– Так вот, Брайант собирался оставить для меня письмо. У вас его точно нет?

– Точно, сэр, – ответил Васкес, и Стэнтон понял: он лжет.

– Ну что ж… Доннер вам все сказал. Мы пробудем здесь еще пару дней. Я еще загляну – вдруг что-нибудь обнаружится, – сказал он, прежде чем повернуться к двери.

Однако Бриджер лишь улыбнулся – безмятежно, бесстрастно, во все тридцать два зуба.

Следующие два дня над фортом, не прекращаясь, лил серый, унылый дождь. С сушью он живо покончил, и потому на ненастье никто не сетовал, но тоску нагонял нестерпимую. Костры шипели, дымили, семейные жались по походным шатрам, вечера проводили, дрожа, в заляпанной грязью одежде и обуви, почесываясь от укусов вшей, блох и прочих паразитов, угнездившихся в постелях и в платье половины обоза. Тяжелее всего приходилось старикам вроде Матиса Хардкопа, пожилого бельгийца, путешествовавшего в одиночку. Не слишком-то разбиравшийся в людях, Хардкоп (в силу каких-то совершенно, на взгляд Стэнтона, необъяснимых причин) привык полагаться на помощь Кезеберга, но вскоре Кезебергу надоел, и тот – вопреки просьбам тихой, спокойной жены, Филиппины – вышвырнул старика из фургона. Ослабленного тяготами путешествия, Хардкопа быстро одолел скверный кашель. Теперь старик только и делал, что тихонько бродил по форту с постелью и почти опустевшей котомкой, в поисках сухого места, где мог бы поспать.

Пара семейств, спасаясь от непогоды и грязи, арендовала у Бриджера с Васкесом комнаты. Джеймс Рид с многочисленными чадами и домочадцами поселился в казармах, пустовавших с прошлого года – с тех пор, как из форта вывели гарнизон. Братья Доннеры устроились и того лучше, предложив Васкесу столько денег, что мексиканец со всей семьей перебрался из собственной избушки в сарай. Таким образом, кланы Доннеров не только укрылись от дождя, но и могли наслаждаться горячей пищей, и даже горячими ваннами, согревая воду в имевшемся у Васкеса огромном медном котле. Стэнтон же, до сих пор не утративший духа янки, рассудил, что тратить солидные суммы, имея в хозяйстве надежный, прочный шатер, попросту неразумно.

К третьему утру остановки в Форт-Бриджере дождь наконец унялся. Раздевшись до пояса, сложив одежду поблизости, Стэнтон опустился на колени у самого берега реки. Вода оказалась такой холодной, что дух захватывало, немилосердно холодной… однако умывание – несомненно, благодаря деду – доставляло некое извращенное удовольствие. Вымылся он быстро, только торс и ополоснул. Все вокруг суетились, спеша покончить с насущными делами: Доннер обещал, что сегодняшний день в форте будет последним, а дел у Стэнтона накопилось порядком. Проверить колеса и оси фургона – не износилось ли что, не даст ли слабину; почистить заскорузлую от пота упряжь; осмотреть копыта волов и верховых лошадей… Тягловый скот без копыт годен

только на мясо, а потерять хоть одного вола, хоть одну лошадь не мог себе позволить никто.

Вопль он не столько услышал, сколько почувствовал. Узнанный сразу же, ее голос отдался во всем теле, как будто зов обращен именно к нему. Схватив револьвер, оставленный поверх груды одежды, и более ни секунды не мешкая, Стэнтон стремглав бросился на крик.

Мэри Грейвс…

Лежа в грязи, на спине, она безуспешно пыталась отползти назад. Однако эта картина не шла ни в какое сравнение с видом того, кто возвышался над ней. Невероятно грязный, запаршивевший, словно прокаженный, глаза покраснели, слезятся… а уж несло от него так, что Стэнтон чудом не задохнулся.

Все эти мысли промелькнули в его голове в один миг. Позже Стэнтон не сумеет вспомнить ничего, кроме грубых, мозолистых пальцев, вцепившихся в плечи Мэри. Взяв чужака на прицел, он дважды нажал на спуск.

Пули угодили странному человеку (если, конечно, его можно было назвать человеком) в спину. Выпустив Мэри, он покачнулся и ничком рухнул вперед. Пришлось Мэри, собрав все силы, оттолкнуть нападавшего в сторону. Затем она попыталась подняться, но снова осела в грязь. Лицо ее побледнело, как полотно, и Стэнтон явственно видел, чего ей стоило сдерживать слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Луговые собачки – грызуны, напоминающие сурков, обитающие в прериях Северной Америки (здесь и далее – прим. перев.).

2

Война Черного Ястреба – вооруженный конфликт между США и индейскими племенами, не признавшими договора, согласно которому племенные земли перешли во владение США в обмен на незначительные подарки. Черный Ястреб – военный вождь племени сауков, действовавший против США.

3

У. Шекспир, «Макбет», пер. А. В. Флори.

4

Конестогский фургон, или «конестога», – тяжелая крытая грузовая повозка особой конструкции, изготавливавшаяся в г. Конестога, штат Пенсильвания, и поднимавшая до 8 тонн груза, главное транспортное средство Орегонской тропы.

5

Ривайвелизм – одно из направлений в протестантстве, с особым акцентом на переживании личной встречи с Богом и на близком Втором пришествии Иисуса Христа. Первоначально ривайвелисты представляли собой разрозненные группы, стихийно объединявшиеся вокруг бродячих проповедников и прочих харизматических лидеров.

6

То есть в решающем сражении войны за независимость Техаса, на стороне техасцев, против мексиканских сил.

7

Американские породы лошадей. Аппалузы отличаются необычным, узнаваемым пятнистым окрасом, а пейтнхорсы – нарядной пегой мастью, разноцветными пятнами значительно крупнее, чем у аппалуз.

8

Little Sandy River – дословно: Маленькая песчаная река (англ.).

9

Хогсхед – большая бочка емкостью 60 галлонов (около 230 л).

Купить: https://tellnovel.com/katsu_alma/golod

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити